

Главное не крепость взять, а войну выиграть

Кутузов

Олег Михайлов

Кутузов

«АСТ»

«ФТМ»

2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлов О. Н.

Кутузов / О. Н. Михайлов — «АСТ», «ФТМ», 2017

ISBN 978-5-17-104367-4

Воспетый современниками и потомками генерал-фельдмаршал Кутузов никогда не имел склонности к браваде и не искал легкой славы, предпочитая вести войну расчетливо и с хитростью. Легендарный полководец и талантливый стратег, он был одновременно отважен и погружен в себя; сдержан и остроумен. Олег Михайлов подробно и последовательно излагает биографию Кутузова, судьба которого не раз делала неожиданные повороты. Читатель станет свидетелем ключевых событий жизни великого военачальника и поймет, каким человеком он на самом деле был в жизни и на поле боя.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104367-4

© Михайлов О. Н., 2017
© АСТ, 2017
© ФТМ, 2017

Содержание

Книга первая. Дважды воскресший	6
Часть I	7
Глава первая. Юность героя	7
1	7
2	10
3	11
4	15
5	16
Глава вторая. «...Я – русский...»	20
1	20
2	24
3	25
4	27
Часть II	28
Глава первая. Заново рожденный	28
1	28
2	29
3	31
4	32
5	33
6	36
7	36
8	37
9	38
Глава вторая. Под крылом Суворова	40
1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Олег Михайлов

Кутузов

© В. Л. Михайлова, наследник, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Книга первая. Дважды воскресший

Смерть сквозь главу твою промчалась.
Г. ДЕРЖАВИН

Генерал-фельдмаршал князь Михаил Ларионович Голенищев-Кутузов Смоленский

Часть I

Глава первая. Юность героя

1

Самое дорогое для мальчика – вечера в большом батюшкином кабинете. Набегаешься всласть, накатаешься в салазках с ледяной горки, наиграешься в снежки, в гуська, в салки, в крепость. Разрумянишься, наберешь в валенки снегу, весь иззябнешь. Но все равно чуть не силком, иногда с горькими детскими слезами, уводит тебя мамка домой.

Недолго ребячье горе. После ужина залезешь с ногами на скользкое кожаное аглицкое кресло и слушаешь, слушаешь батюшку. Чудо как хорошо! Чего только не знает Ларион Матвеевич! Ведь недаром называют его в Петербурге «Разумною книгою».

И про полуденные страны знает, где люди круглый год ходят нагишом и зело черны и где обитают в степях диковинные птицы. И среди них птица, величайшая в свете, именуемая Строус, которая бегаёт как конь. На этом Строусе, усевшись верхом, римляне учреждали скачки, наперегонки с лошадьми...

И про Индию, царство чудес, в котором вельможи в одеяниях, изукрашенных адамантами и сапфирами, восседают под балдахинами на звере-горе, называемом Элефант. И тот Элефант на рыле имеет мускулистую длинную трубку. Он ее сжимает и распускает, ею пьет, берет разные вещи и обороняется от врагов...

И про дерзких мореходов, из которых один, гишпанец Колумбус, открыл Вест-Индию, или Новый Свет. И в сем Новом Свете спрятана от пришельцев Золотая Страна – Эльдorado. Собраны в ней бесчисленные сокровища вождей и жрецов индейских – из червонного, красного и белого золота. И многие рыцари и простые люди пытались отыскать Эльдorado, уходили в леса дремучие, поднимались в горы поднебесные, где ужасные дыры огонь из преисподней мечут. Но никто не возвращался с удачей. Или не возвращался вовсе...

– А с песьими головами люди где обретаются? Мне мамка вечор сказывала... – решается озадачить Миша своего батюшку.

– Сие выдумки от темноты да невежества. Песьи головы, Мишенька, привязывали к седлу опричники царя нашего Грозного Иоанна. Ибо называли себя его верными псами...

Как рассказывает батюшка – век бы слушал! Сколько земель на белом свете, сколько чудес! Но милее всего Мишиному сердцу истории воинские, ратные подвиги и фамильное прошлое древнего рода Голенищевых-Кутузовых.

– Сам святой Александр Невский, князь Новгородский и великий князь Владимирский, день кончины коего все мы, православные, отмечаем четырнадцатого ноября, благословил родоначальника нашего...

Историю эту Миша слушал едва ль не в десятый раз. Но каждый раз словно наново. Шаловливый, резвый и даже проказливый, мальчик затихал, впивался большими живыми глазами в отца. А тот не без торжественности повествовал:

– Было это в тысяча двести сороковом году от Рождества Христова. К новгородским границам подошли шведы с их гордым вождем Биргером. И Биргер сей послал князю Александру надменную грамоту: «Се уже есть zde и пленю землю твою». Тогда собрал князь Александр Ярославич свою дружину и встретил шведов. У речки Ижоры, притока нашей Невы. Храбрые новгородцы в лок разбили врага. А князь Александр собственным копьём возложил печать

на лицо Биргера. За эту битву он и наречен был в народе Невским. Так вот, рука об руку со святым Александром сражался праотец наш Гавриил, верный его сподвижник...

Тихо потрескивают свечи в шандале на дубовом столе; за небольшими, заросшими льдом оконцами тьма и холод – люты морозы были в восемнадцатом веке. И шли они, с перерывами, дружной и грозной чередой. Порой по две-три недели держалось поболее тридцати градусов. Как начнет Юрий холодный оброк собирать, так за порогом уже стучится студень, или декабрь. И идут сперва варварины морозы: трещит Варюха, береги нос да ухо! Варвара заварит, Савва засалит, Никола загвоздит. Варвара ночи урвала, украла, день приточила. А за Варварой – Савва. Савва снегом стелет, гвозди острит, льдом засалит. Савву сменяет Никола Зимний. Два их, Николы: один с травой, другой со снегом. Зима на Николу замает – дороги не бывает.

Но вот Спиридона поворот: солнце на лето, а зима на мороз. В этот день медведь в берлоге поворачивается и корова на солнце успевает нагреть один бок. С солнцеворотом дня придёт хоть на воробьиный скок. А там пост холодный – рождественские морозы. Январь – всем зимним месяцам отец. Трещат крещенские морозы: трещи, трещи, пока не пришли водохрящи. После холодов на Татьянин день – афанасьевские морозы: Афанасий и Кирило забирают за рыло. Их сменяют тимофеевские: в день Тимофея Полузимника – ползимы миновало.

Дождались и Сретенья: зима с летом встретились. Коли на Сретенье метель дорогу замела, то весь корм подберет. За ним грядет Власьев день – власьевы морозы. И март на нос садится, и в нем морозит...

Но тепло и покойно в кабинете с круглыми натопленными голландками, с длинными полками русских и иноземных книг в телячьей коже и сафьяне. Размеренно звучит глуховатый батюшкин басок:

– Праправнук Гавриила, сподвижника Александра Ярославича, был Федор Александрович, по прозвищу Кутуз. От него-то и пошли мы, Кутузовы...

– А что значит – Кутуз? – быстро спрашивает Миша.

– Подушка у кружевниц, – с готовностью отвечает Ларион Матвеевич, любясь дотошностью сынишки. – Из кожи либо материи. Видно, были в нашем роду искусные мастерицы. Вязали украшения для семей московских князей и бояр...

Сметливый мальчик давно уже знает смысл этого слова от доброй бабушки, заменившей ему мать. Но просто хочет вопросом сделать приятное батюшке своему.

– Еще, расскажи еще! Про князей московских... – просит Миша.

– Много чудесного и страшного происходило в те годы. Нравы были крутые. Внук Дмитрия Донского, победителя татар на Куликовом поле, князь Василий Васильевич¹ боролся с дядей своим Юрием Галицким за московский стол. Ты хоть и мал, да знать должен, как жестоко поступали тогда князья в споре за власть. Никого не щадили. Да! Не нынешнее просвещенное время благословенной Елизаветы Петровны! – простодушно восклицает он, как и все люди на земле, уверенный, что время, в которое он живет, самое просвещенное и самое значительное. Хотя бы потому, что в нем уместилась малая его жизнь.

Ларион Матвеевич крестится на темный угол, где должны быть иконы, и продолжает:

– Так вот. Желал князь Василий избавиться от одного из главных своих соперников. Заманил и ослепил старшего сына Юрия – Василия Косого. А через шестнадцать лет последовала месть. Он сам лишен был глаз братом Косого – Дмитрием Шемякой. После этого и прозвали его: Темный. И во всех тяжких испытаниях сопровождал князя Василия Васильевича верный его боярин Василий Федорович Кутуз...

– Сын Федора Александровича, батюшка? – вставляет Миша.

– Он, он самый. – Ларион Матвеевич гладит мальчика по стриженной головке: памятливы, умен, – и продолжает: – А Шемяка тем временем сел в Москве. Да сидел недолго. Правил он,

¹ Василий II Темный (1415–1462) – великий князь Московский с 1425 г., сын Василия I.

Мишенька, не имея ни стыда ни совести. С той поры люди говорят о бесчестном: Шемякин суд. И москвичи стали звать к себе слепого князя Василия. С многочисленной ратью двинулся он к Первопрестольной. Бесславно бежал от него Шемяка в Каргополь. И по пути, как подлый тать, захватил в заложницы мать Василия Васильевича – Софью. Дочь могущественного князя Литовского Витовта. Князь Василий Темный вернул себе великий московский стол. И стал горевать: что с матерью? Не извел ли ее кат Шемяка? Вызывает он Василия Кутуза и речет ему: «Поезжай, верный мой слуга, в Каргополь. И если жива моя матушка, упроси Шемяку вернуть ее...»

– Ну и как? – сучит в нетерпении ножками в мягких бурках сынишка.

– С превеликим трудом, но выполнил Василий Федорович препоручение великого князя. То-то было радости в кремлевских палатах...

Ларион Матвеевич встает с кресел, щипцами снимает со свечек нагар. Выступают из полумрака лики с икон Пресвятые Богородицы и батюшкиного святого – Иллариона, епископа Меглинского; строго глядит – усы торчком – из вызолоченной бронзовой рамы Петр Великий.

– Батюшка! Скажи о чем-нибудь еще! – молит Миша.

Ларион Матвеевич утверждает в креслах, пухлая рука сама находит фарфоровую табакерку с лицеизображением государыни Екатерины, супруги преобразователя России. Со щелчком отворяется крышка, щепоть доброго гамбургского табаку отправляется сперва в левую, затем в правую ноздрю. Орлиный батюшкин нос заостряется от шепотки, мальчик приговаривается слушать, как с мортирным звуком чихнет батюшка в батистовый с кружевами платок. Вот пухлое батюшкино лицо вновь распускается, белеет, выпуклые глаза открываются, приятная важность вновь исходит от него.

– А знаешь ли, Мишенька, что родственница наша называлась женой царя и великого князя Московского?

Нет, мальчик не знает об этом и весь обращается в *слух*.

– Когда разваливалась грозная Золотая Орда, осталось враждебное Руси Казанское царство. Наш государь и великий князь Иоанн Грозный желал вернуть балтийские земли, завоеванные шведом. Но как сие сделать? Пойдешь на запад – татары ударят тебе в спину! Надобно прежде завоевать Казань. Орешек сей, однако, оказался зело крепок. Удалось было Иоанну посадить на казанский стол верного ему Шиг-Али-хана. Но возмутились татары, скинули его и назвали главой своей астраханского царевича Едигера-Махмета. Он дал казанцам клятву быть неумолимым врагом России. И вот Иоанн Грозный самолично явился под стены Казани. Битвы происходили почти ежедневно. Русским удалось взорвать тайник, откуда татары запасались водой. Были подведены главные подкопы. Настал день решающего штурма. Было это² второго октября тысяча пятьсот пятьдесят второго года...

Миша спал с открытыми глазами: с грохотом рвались в подкопах бочки с порохом; в дыме пожарищ рушились стены Казанского кремля; шли с тяжелыми пищалями государевы стрельцы.

– Казанцы отчаянно защищались на улицах. – Ларион Матвеевич разволновался от собственного рассказа и грозно чертил перстом в воздухе. – Они удвоили усилия и почти вытеснили наших. Но вот сам Иоанн схватил знамя, стал в городских воротах и удержал бегущих. Царь Едигер был взят в плен, защитники его пали...

– И государь ослепил его, как Василия Темного? – ужасается мальчик.

– Нет, грозен и жесток, но справедлив был Иоанн Четвертый, – качает головой (пусть отдохнет от парика) головой Ларион Матвеевич. – Едигер был отправлен в Москву. Там он принял святое крещение под именем Симеона. Ему оставили титул царя. Жил он в Кремле, в особенном большом дворце. Имел боярина, чиновников и множество слуг. Понимал наш государь,

² Все даты в романе даются по старому стилю.

сколь важно привязать Едигера-Симеона, склонить его на верность Руси. И стал подыскивать ему невесту. А у боярина московского Андрея Кутузова, нашего сородича, была дочь Мария. Всем хороша – и на личико нежна, и нравом кротка и послушлива. Вот в тысяча пятьсот пятьдесят третьем году повенчал Иоанн Грозный Симеона с Марией и пожаловал им в отчину город Рузу. А далее вышло, как он задумал: сей Симеон всегда был преданным слугой Иоанна. Ходил с ним на хана крымского, сражался в войне Ливонской и Польской. А при учреждении опричнины и земщины Иоанн главой последней сделал Симеона³. Так говорят наши летописи.

Про опричников Миша уже знает. А что такое земщина?

Умиленный любознательностью мальчика, Ларион Матвеевич даже утирает платочком уголки повлажневших глаз.

– Случилось то в декабре тысяча пятьсот шестьдесят четвертого года, – таинственно объясняет он. – Царь Иоанн Васильевич вместе с приближенными, стражей и женой Марьей Темрюковной внезапно исчезли из Москвы. Были с царем и Симеон с Марией. Они скрывались в монастырях и в конце концов остановились в Александровской слободе. Оттуда последовала грамота. В ней царь обвинил бояр в измене и даже выказал желание оставить престол. Когда же Москва приняла его требования, Иоанн учредил земщину и опричнину. Он начал жестокую расправу с крамольными боярами. Опричникам были отведены некоторые города, числом около двадцати. А в земщину, особое управление территорией, вошли остальные российские земли во главе с Москвой.

Ларион Матвеевич, увлекаясь рассказом, уже не замечает времени; еще меньше помнит об этом мальчик. Их возвращает к действительности бабушка.

– Хватит тебе Мишеньку-то своими страхами пугать! – выговаривает она сыну, появляясь в сопровождении дворовой мамки в кабинете. – Ведь сиротка! Некому его приголубить! А ты вместо ласки солдатскими побасенками его потчуешь!..

Она целует внука и просит:

– Пошли, Мишенька, спать. Вона и глазоньки твои ясные уже слипаются...

– Батюшка! Разреши еще послушать! Расскажи еще хоть столечко! – хнычет мальчик.

– Ладно... Только иди в постельку. Да сотвори молитву святому своему – архистратигу Михаилу. Когда ляжешь, приду и... – тут бабушка укорно смотрит на няньку, – вместо глупой мамкиной сказки расскажу еще какую бывальщину...

И снова, несмотря на ворчанье доброй бабушки, листает мальчик – страница за страницей – увлекательную «Разумную книгу». Он засыпает, но и во сне длится рассказ отца – про диковинные земли, про воинские подвиги, про богатыря Гавриила...

2

– Дядюшка! Приехал дядюшка!..

Иван Лонгинович Голенищев-Кутузов, двадцатипятилетний морской офицер, худощавый, с обветренным лицом – рот плотно сжат, желваки ходят под кожей – и мозолистыми ладонями. Он не из книг знает то, о чем рассказывает бабушка. Правду сказать, своим фрегатом правит Иван Лонгинович одним и тем же курсом: из Петербурга в Архангельск и обратно. Но и то в его лета немало – на небольшом паруснике аж через все Балтийское море, да вокруг Скандинавии, да через Белое море до устья Двины – путь опасный и долгий.

³ Известный русский историк В. О. Ключевский сообщает, что Иван Грозный земщину предназначал после себя старшему сыну, а опричнину – младшему. И далее он пишет: «...есть известие, что во главе земщины поставлен был крещеный татарин, плененный казанский царь Едигер-Симеон. Позднее, в 1574 г., царь Иван венчал на царство другого татарина, касимовского хана Саин-Булата, в крещении Симеона Бекбулатовича... Иван назначал того и другого Симеона председателями думы земских бояр» (*Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 167–168*).

Миша бежит навстречу моряку, и тот подхватывает его сильными руками, прижимает к жесткому суконному мундиру, пахнущему табаком, океанским йодом, жженым порохом. Из бесчисленных карманов достаются подарки: кусок диковинного китового уса, черный блестящий медвежий коготь, прозрачный камень янтарь, а в нем навсегда застыла, распутив крыльшки, желто-полосатая оса. И наконец, аглицкая медная игрушка: пушчонка, которая может ядра с копейку метать...

За столом, после первой чарки, Иван Лонгинович пускается в мореходные рассказы, пересыпая их волнующе-непонятными словами: «ганшпуг», «вымбовка», «квадрант», «юферс», «рубка», «галс», «крюйс-марс», «фокзейл», «шканцы», «ростры»...

– Всему свой черед, – смеется он, обнажая плотные белые зубы, в ответ на Мишины просьбы объяснить их значение. – Придет срок – узнаешь...

А после обеда, в кабинете, дымя трубкой, Иван Лонгинович слушает Лариона Матвеевича, опытного инженера, который в очередной раз собирается уезжать для возведения фортеций на юго-западные рубежи России...

– Меня назначили состоять при особе главного командира Кронштадта Захария Даниловича Мишукова, – сказал Иван Лонгинович. – Теперь какое-то время я буду моряком сухопутным. И хочу взять Мишеньку к себе. А то, Ларион Матвеевич, без тебя как бы здешнее бабье царство его в красну девицу не обратило...

На том и порешили, к великому огорчению бабушки, засобиравшейся после того в свое имение Печатники под Москву...

3

Усадив мальчика рядом с собой, Иван Лонгинович читал ему «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению»⁴:

– «Не хватай первым блюдо и не дуй в жидкое, чтобы везде брызгало.

Не сопи, егда еси...»

Голенищев-Кутузов назидательно поднимает указательный палец с перстнем, украшенным серебряной Адамовой головой, и торжественно продолжает:

– «Когда что тебе предложат, то возьми часть из этого, протчее отдай другому.

Руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай, не утирай губ рукою и не пей, пока пищи не проглотил...»

Он кладет жесткую моряцкую руку на стриженую голову воспитанника:

– Ну-ка, продолжай теперь сам, Мишенька!..

Мальчик читает бегло, только от усердия иногда глотает слова.

– «Не облизывай перстов и не грызи ногтей, но обрежь ногти.

Хлеба, приложа к груди, не ешь: ешь, что пред тобой лежит, а инде не хватай.

Над ествою не чавкай, как свинья... – Миша лукаво глядит на невозмутимо восседающего с неизменной трубкой моряка и, подмигнув заговорщически, продолжает: – И головы не чеши. Не проглотив куска, не говори.

Около своей тарелки не делай забора из костей, корок хлеба и протчего...» – Миша поднимает от книжки голову и скороговоркой спрашивает: – Кстати, дядюшка, что у нас нынче на обед? Больно уж каша гречневая надоела... – И снова читает: – «Неприлично руками по столу везде колобродить, но смирно ести. А вилками и ножиком по тарелкам, по скатерти или по блюду не чертить и не стучать, но должно смирно, прямо, а не избоченясь сидеть...»

– Да ты, мой друг, читаешь уже не хуже моего! – ободряюще говорит Иван Лонгинович. – Идем теперь к обеденному столу. Посмотрим на деле, как ты усвоил урок. Я, кстати, уже загля-

⁴ Литературный памятник начала XVIII в., предназначался для воспитания дворянских детей, составлен сподвижниками Петра I (Я. В. Брюсом и др.). Впервые издан в 1717 г.

дывал на камбуз. Полагаю, что за труды твои мой кок угостит тебя чем-нибудь особенно вкусным...

В доме прекрасно образованного, твердого характером моряка мальчик провел несколько лет и в 1757 году был определен в Петербургскую инженерную школу. Красивый, веселый, даже лукавый, сметливый и понятливый, Михаил Кутузов сразу же обратил на себя внимание капитана Мордвинова, помощника Петра Ивановича Шувалова⁵ по заведованию школой.

Михаил Иванович Мордвинов не мог надивиться способностям юного Кутузова, очень скоро выказавшего отличные познания в математике, фортификации, инженерном деле, истории, богословии и философии. Мальчик не ограничивался предложенной в школе программой. Он самостоятельно изучал русскую и немецкую словесность, юридические и общественные науки, особое влечение проявив к языкам – французскому, немецкому, польскому. Впоследствии Михаил Илларионович мог изъясняться еще и на шведском, финском, английском и турецком, знал немного и латынь.

Сам всесильный генерал-фельдцейхмейстер, управляющий артиллерийской и оружейной канцелярией граф Петр Иванович Шувалов пожелал познакомиться с талантливым учеником и проверить его знания. Юный Михаил Кутузов, в свой черед, увидел реформатора, с которым связывались перемены в русской артиллерии и изобретение знаменитых уже единорогов. В возгоревшейся Семилетней войне⁶ шуваловские гаубицы наводили панику на пруссаков.

Нам слава, страх врагам в полках твои огни;
Как прежде, так и впредь: пали, рази, гони.
С Елисаветой Бог и храбрость генералов,
Российска грудь твои орудия, Шувалов, –

слагал в его честь стихи Ломоносов...

Десятого октября 1759 года четырнадцатилетний Кутузов был произведен в капралы артиллерии, 20 октября, «за прилежность к наукам», – в каптенармусы – унтер-офицеры, а 1 января 1760 года «за особую прилежность и в языках и в математике знание, а паче, что принадлежит для инженера, имеет склонность, в поощрение прочим», – в кондукторы 1-го класса (чертежники). Он был оставлен при Инженерной школе «к вспоможению офицерам для обучения прочих». Кутузов преподавал кадетам арифметику и геометрию.

Здесь он подружился с унтер-офицером Василием Бибиковым, братом уже прославившегося своей храбростью в битве при Кунерсдорфе⁷ командира 3-го мушкетерского полка Александра Ильича. Не только артиллерийское дело и математические науки сближали их. Василий, который был моложе Кутузова на два года, также горячо увлекался изящной словесностью, а пуще того – театром. Вместе они не пропускали ни одного представления в Сухопутном шляхетском корпусе и сами разучивали пьесы.

Им с увлечением помогал Иван Лонгинович Голенищев-Кутузов, отдававший досуг переводам любимого Вольтера.

Иван Лонгинович к этой поре был уже капитаном 2-го ранга и командовал кораблем «Москва», а затем – «Северный орел». Он служил в подчинении у брата Михаила Ивановича

⁵ Шувалов Петр Иванович (1710–1762) – граф, генерал-фельдмаршал, участник дворцового переворота 1741 г. Был фактическим руководителем правительства при Елизавете Петровне. В Семилетней войне был одним из организаторов армии, особенно артиллерии.

⁶ Семилетняя война – война 1756–1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией и Швецией с одной стороны и Пруссией, Великобританией и Португалией – с другой. Вызвана была обострением англо-французской борьбы за колонии, а также столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. В войне выиграла Великобритания, победив Францию и обрета торговое первенство.

⁷ Кунерсдорф – деревня вблизи Франкфурта-на-Майне, у которой русские и австрийские войска 1 августа 1759 г. разгромили прусскую армию.

Мордвинова – адмирала Семена Ивановича, который заменил Мишукова на посту коменданта Кронштадта.

В свободные вечера у Голенищева-Кутузова часто собиралась молодежь. Иван Лонгинович читал только что переложенные им на русский язык отрывки из славного сочинения Вольтера «Задиг, или Судьба». Вольтер, его смелые мысли, его увлекательные романы, философские трактаты, душещипательные трагедии кружили голову. Остроумный и насмешливый, он вызывал восхищение.

«Во времена царя Моабдара был в Вавилоне юноша именем Задиг, одаренный благополучною природою, которая укреплена была добрым воспитанием. Хотя богат и молод, однако знал он умерять свои страсти, никогда не потворствовать, ничем над другими не превозносился и умел снисходить человеческим слабостям...»

Иван Лонгинович оглядел юных слушателей: смазливый, точно девушка, франт и высок Васенька Бибииков, рядом с ним Миша, Мишенька, – в глазах и в уголках губ затаенная улыбка, готовность в любой момент взорваться шуткой, насмешкой, веселым смехом. Только Бибииков и может сравниться с ним живостью и пылкостью нрава. Для них, в назидание их нетерпеливому характеру и колкому уму, читает теперь Голенищев-Кутузов фантастическую сказку о Задиге.

«С удивлением на него взирали, что, имея острый разум, удержался он от ругательного насмешения оным разговорам без разума, смешанным, прерываемым, оному дерзновенному злословию, глупым злключениям, язвительным шуткам, оному пустому звуку слов, которья почитались приятным собеседованием в Вавилоне...»

– Внемлите, мои друзья, тому, что пишет сей знаменитый муж, – не удержался Иван Лонгинович. – Он воистину учит всех нас мудрости житейской...

«Он научился из первой книги Зороастра, что самолюбие подобно заключающему в себе ветры меху, из которого вылетают бури, когда его прокалывают. Паче всего Задиг никогда не тщеславился ни презрением, ни покорением себе женщин. Он был щедр, не боялся добро делать, последуя великому правилу Зороастра: когда ты ешь, корми псов, хотя они тебя и угрызть могут...»

Васенька Бибииков, мастер обезьянничать и передразнивать других почище Миши Кутузова, не мог подолгу спокойно сидеть и слушать. Он вскакивал, переспрашивал непонятные места, критиковал слог, пытался тут же разыграть роман в лицах, заплотировал, когда наконец Задиг сделался царем и мужем прекрасной Астарты. А после предложил поставить дома у Ивана Лонгиновича вольтеровскую трагедию «Заира».

Все было как в дворцовом театре: костюмы, сцена, занавес. Иван Лонгинович выбрал себе роль жестокого султана Иерусалимского Оросмана, влюбленного в свою невольницу и считающего себя обманутым. Михаил Кутузов взялся изобразить благородного французского кавалера, мнимого любовника Заиры, и ее брата Нарестана. Ну а Васенька согласился сыграть прекрасную Заиру; в театре шляхетского корпуса все женские роли в те времена обычно исполнялись кадетами. Он нарядился в богатое платье своей сестрицы Дуняши, Авдотьи, к которой, кстати, был неравнодушен Иван Лонгинович, и безбожно набелил и нарумянил свое хорошенькое лицо.

– Дрожу я идучи, душа моя вострепетала...
Не ты ли, Нарестан, кого я ожидала... –

томно и страстно, заведя свои красивые ореховые глаза не проговорил, – пропел Бибииков.

– Да, я, ты коего, злодейка, предала,
Пади теперь, когда неверна так была! –

зычно, словно он находился на капитанском мостике «Северного орла», проревел Иван Лонгинович и выхватил картонный кинжал.

– О Боже! Смерть моя! –

со слезой ответил Бибииков и упал на кулису, из-под которой выполз, потирая ушибленное темя, французский кавалер Нарестан.

Иван Лонгинович вперил в него сверкающий взор и заревел еще страшнее и громче:

– Приблизься ты, ты, кой того меня лишил.
Что более всего на свете я любил!
Презренный мой злодей с проклятою душою,
Еще ль тщеславишься ты честностью своею?
Чтоб посрамить меня, не толь ты строил ков,
Поди, во мзду тебе подарок уж готов.
Твои несчастья сравниются с моими,
Ты в кои вверг меня коварствами твоими.
Ответствуют они злодейству твоему,
Что приказал и ты готовить казнь ему...

Михаил Кутузов закрыл руками лицо от отчаяния и с рыданием в голосе повел партию Нарестана:

– Ах, что ты представляешь?

Иван Лонгинович толкнул его на лежащего недвижно Васеньку:

– Вот здесь, я говорю, коль зреть ее желаешь,

Кутузов отшатнулся с новым стенанием:

– Кого я зрю?.. Сестру... Заира... Что за страх!
Ах, нет тебя! Уж свет померк в твоих очах!!

Теперь пришел черед рыдать и стенать Ивану Лонгиновичу:

– Возможно? Боже мой! Сестрою он назвал!

Мишенька горделиво выпрямился, стуча себя кулаком:

– О варвар! О тиран! То истина вещей!
Пронзи уж грудь мою, пронзи, о лютей зверь!
Во мне искорени весь царский род теперь!..

Иван Лонгинович упал ничком с яростным воем:

– Как? Я любим Заирой был невозможно?
Он брат? Любим я был? Ах, все сие возможно!..

Трагедия имела оглушительный успех. Ларион Матвеевич отбил себе ладони и охрип, крича «бис». Авдотья Бибикова кинула к ногам султана Иерусалимского букет фиалок. А старая Мишенькина мамка, допущенная на барское представление за свои заслуги, когда Иван Лонгинович обнажил бутафорский кинжал, со страху за своего ненаглядного свалилась ничком на пол...

4

Приглашение на маскарад в Зимний дворец было полной неожиданностью.

Прапорщик Астраханского пехотного полка Кутузов рассматривал маленький, изящный билетик, таинственным образом переданный ему. Какая кокетка держала его в своей маленькой ручке? Быть может, надевая на себя неуклюжие фижмы и тяжелый парик, она думала о молодом офицере и, когда наклеивала на свое лицо маленькую мушку из тафты – условный знак любовного свидания, – мечтала о нем...

От сладких мечтаний юношу отвлек вошедший в комнату Иван Лонгинович. Он держал небольшой плотный конверт.

– Передашь это особе с белой розой в волосах и в голубой бархатной маске.

Молодой человек почувствовал, что таинственное приглашение связано с этим конвертом.

– Только не вздумай перепутать! – строго добавил Иван Лонгинович. – Ибо тогда нам обоим не сносить головы...

– А кто сия особа, дядюшка, смею спросить? – решился Кутузов.

Иван Лонгинович колебался. Он оглядел своего любимца с головы до пят, его широкое домино в шахматную клетку, встретил открытый взгляд больших темных глаз и, испытывая полное доверие к юноше, сказал:

– Знай же: ее высочество великая княгиня Екатерина Алексеевна...

...Пышный маскарад увлек и зачаровал Кутузова. Сколько музыки, танцев, веселой сутолоки! Вон суровый капуцин кружится, обняв резвую пастушку. А тут напудренный Пьеро пляшет об руку с грациозной Коломбиной. Там прекрасный Аполлон в сопровождении легконогих нимф вертится в бурном хороводе. Многие дамы, по тогдашней маскарадной моде, надели мужские костюмы и щеголяли в зеленых гвардейских мундирах, а кавалеры обрядились в широкие платья с робронами.

Надвинув поглубже капюшон на лоб, Михаил искал женщину с белой розой, но смуглые арапчата и голубые наяды с веселым смехом окружили его, не давая выйти из живого кольца. Рядом с Кутузовым оказался звездочет в остроконечной шапке, черном с серебряными блестками балахоне и с огромным картонным носом.

– Какой прекрасный цветник! Благоуханная оранжерея! – позабыв осторожность, обратился к нему Кутузов и услышал ворчливый голос:

– Я бы скорее сравнил этот зал с садком для птичек...

– Сударь, вы циник! – не выдержал юноша.

– О нет, мой юный друг, – отвечала маска. – К сожалению, я и сам все еще поддаюсь чарам тех, в ком нет ни глубокого ума, ни знаний, а есть лишь искусное притворство и в том и в другом. Зато если вы послушаете этих очаровательных попугайчиков, то узнаете все – или почти все – о нашем свете. Впрочем, вас ждет более серьезное дело. Идите же к главной лестнице...

И звездочет решительно отстранил двух прелестных наяд, державших Кутузова за полы домино.

В смущении юноша пересек весь огромный беломраморный зал, залитый светом тысяч свечей в переливающихся хрустальных люстрах. И кажется, успел вовремя.

Его здесь ожидали! И узнали!

Вниз по лестнице спускалась стройная молодая женщина в синей полумаске. Она была одета подчеркнуто скромно: корсаж из белого гродетюра и белая юбка на маленьких фижмах – китовых обручах, поддерживающих платье. Длинные, роскошные темно-каштановые волосы зачесаны назад и перехвачены белой ленточкой; в простой прическе только белая роза с бутонном и листьями – точно живая; другая роза приколоты к корсету. Белый газовый шарф, газовые манжеты и газовый передничек дополняли наряд.

«Что за чудо и что за простота! – сказал себе Кутузов. – И это она?..»

Темные глаза блеснули в прорезях голубой маски. Женщина остановила мимолетный взгляд на Кутузове и вошла в толпу. И вслед за ней в толпе оказался молодой человек. В тесноте он нашел ее дрогнувшую маленькую ручку и вложил конверт. Послышался тихий, но спокойный голос:

– Домино! Как вас зовут?

И теперь уже без колебаний он назвал себя.

– Мы не забудем вас... – раздалось в ответ.

Близость с Иваном Лонгиновичем, которого решено уже было сделать наставником по морскому делу при малолетнем внучатом племяннике Елизаветы – Павле, и дружба с Васенькой Бибиковым, любимцем лихих гвардейских офицеров братьев Орловых, рано втянули Михаила Кутузова в круг большой политики.

5

Часы на мраморной каминной подставке пробили два пополуночи. Вызолоченный вебрь, несший циферблат, мчался, выгнув мощную спину, сквозь золоченый же кустарник. Соснуть так и не удалось. Поправляя стекающую с рыхлого плеча сорочку, Елизавета Петровна подошла к одному из трех уборных столиков. Овальное зеркало, освещенное шандалами, отразило ее отекавшее лицо, выцветшие глаза. Только рот, твердо очерченный и алый, напоминал прежнюю Елисавет.

«Ах! уж покою томну сердцу не имею никогда; мне прошедшее веселье вспоминается всегда...»

Воспоминания невольно перенесли стареющую государыню во дни ее бедной и незабвенной юности, когда в полуопале, ненавидимая покойной царицей Анной Иоанновной уже за свою красоту, а более всего за право на престол, Елизавета Петровна могла беспечно отдаваться радостям любви: то водила хороводы в Александровской слободе; то без стыда проделывала вещи, которые заставляли краснеть даже наименее скромных; то горячо молилась перед образом Знамения Пресвятыя Богородицы...

Точно в сладком сне, точно не бывшие с нею, возникли перед императрицей образы очарованных ею избранников: первый раб ее сердца – любимец Петра Великого гвардеец Бутурлин, красавец Шубин, конюх Андреян Вожжинский, паж Ляпин... Как хороша она была тогда – стройная, с густой каштановой косой и темными бровями, оттенявшими большие голубые глаза, всегда с улыбкой, легко переходившей в шаловливый смех!

А сколько претендентов на ее руку появилось в те поры – не счесть! И каких претендентов!

Французы – Людовик XV, герцог Шартрский, принц Конде, герцог Бурбонский, немцы – принц Карл-Август, епископ любский, курляндский герцог Фердинанд, принц Морис Саксонский, принц Фридрих Зульбахский, маркграф Карл Бранденбургский-Байрейтский – самые громкие фамилии в Европе! Не отставали и русские: в красавицу тетку был влюблен четырнадцатилетний император Петр II, ее руки добивались князя Долгоруков и Меншиков. Но всем она предпочла певчего Алексея Разумовского, с которым тайно обвенчалась...

Тяжело ступая отекавшими ногами, Елизавета Петровна добралась до белых, под цвет уборной залы, кресел.

Она сознавала, что конец близок. Первый роковой припадок произошел четыре года назад. 8 сентября 1757 года, в праздник Рождества Богородицы, царица отправилась из царскосельского дворца в приходскую церковь, рядом с дворцовыми воротами. Но едва началась служба, как Елизавета почувствовала себя дурно, вышла из церкви, спустилась с крыльца и, сделав два шага, упала без чувств на траву. Ее обступила толпа крестьян, сошедшихся из окрестных сел к праздничной обедне.

Извещенные дамы прибежали на помощь не тотчас и нашли государыню все еще на траве, без сознания, посреди народа, который глазел на нее, но не смел притронуться. Ее покрыли белым платком и послали за доктором. Первым прибыл хирург Фусадье, французский эмигрант. Он тут же, на траве, в присутствии простого народа, пустил ей кровь, однако императрица не приходила в себя. Долго ждали доктора Кондоиди, грека, – он был болен, и его принесли в креслах.

Наконец доставили из дворца ширмы и кушетку, положили императрицу, терли мазями, давали нюхать всевозможные спирты – она не открывала глаз. Такой, в бесчувственном состоянии, и перенесли ее во дворец. Во время этого припадка она так прикусила себе язык, что несколько дней не владела речью, а после того долго еще говорила невнятно...

С того, уже далекого, дня здоровье ее медленно, но верно шло на убыль. Государыня стала больше времени проводить в молитвах, поститься, уединяться от веселий. Теперь ее по целым дням лихорадило, кровь шла носом, слабость валила в постель. А в июле нынешнего, 1761 года припадок повторился – она снова несколько часов пролежала без чувств.

Смерть стоит за дверями. А на кого оставить Россию? На племянника Петра Федоровича⁸? Хуже не придумаешь! Недавно, после театрального представления, когда Елизавета Петровна сидела в ложе с шестилетним Павлом, в зал вбежали караульные гвардейцы. Преображенцы, семеновцы, измайловцы теснились к ней с криком: «Матушка наша! Защита наша! Надёжа!..» Среди них было немало и ветеранов-усачей, которые двадцать лет назад возвели Елизавету Петровну на трон, свергнув ненавистное немецкое правление. И вот теперь новое иноземное засилье угрожает России. Конец победоносной войне с Фридрихом II! Конец всему!..

Она понимала, что стоило только тогда сказать: «Вот ваш император!» – и судьба престолонаследия была бы решена. Павел Петрович, резвый, премилый мальчуган, сделался бы ее наследником, будущим русским царем. А кто при нем регентом? Или регентшей?..

Елизавета Петровна очнулась, провела рукой по лицу, отгоняя черные мысли. Сама, не вызывая камер-фрау, оделась. Снова перечитала перехваченную депешу французского посланника Бретеля о разговорах, которые вела великая княгиня Екатерина Алексеевна с датским министром Остенем, положила бумагу в вазу.

Гофfreyлина доложила о прибытии Ивана Шувалова⁹.

– Ваше императорское величество! – Тридцатитрехлетний генерал-адъютант и конференц-министр, ее фаворит, ловко отвесил поклон. – Их высочества Петр Федорович с супругой направляются для *получения* аудиенции. . .

Елизавета не обладала государственным умом и сама понимала это. Легкомысленная, нервная, она лишь по необходимости терпела до поры до времени Алексея Петровича Бестужева¹⁰, сознавая превосходство ныне опального канцлера над всеми Шуваловыми и Ворон-

⁸ Петр III Федорович (1728–1762) – российский император с 1761 г., сын герцога Голштейн-Готторпского Карла-Фридриха и Анны Петровны, внук Петра I. Он был свергнут в результате переворота, организованного его женой Екатериной, и убит.

⁹ Шувалов Иван Иванович (1727–1797) – фаворит Елизаветы Петровны, первый куратор Московского университета, президент Академии художеств.

¹⁰ Бестужев-Рюмин А. П. (1693–1766) – граф, дипломат, генерал-фельдмаршал. В 1740–1741 гг. был кабинет-министром,

цовыми или иностранными министрами при петербургском дворе. И Екатерину Алексеевну царица не любила как раз за ум, к чему с некоторых пор прибавилось и ее политическое интриганство. Но Петра Федоровича!.. Великого князя Елизавета просто не могла терпеть, и чем дале, тем более, называла его не иначе как «великим дураком», «уродом» и т. п. А ведь какие надежды возлагала она на него поначалу! Мечтала, что он-то и станет настоящим Петром III и приумножит славу и могущество России!..

– Иди-ко, Иван Иваныч, за ширмы да посиди там, покуда мы с канцлером учиним допрос ее высочеству...

Едва граф укрылся, как появился долговязый Петр Федорович, подошел к теткиной ручке и с надутым видом прислонился к стене. Чуть позже, опередив сопровождавшего ее Воронцова, вбежала Екатерина Алексеевна и бросилась к ногам государыни со словами:

– Молю вас, отошлите меня к моим родным!

– Как же мне отпустить тебя? – сказала императрица. – Вспомни, что у тебя есть сын!..

– Сын мой у вас в руках, – опустив голову, тихо ответила Екатерина Алексеевна, – и ему нигде лучше быть не может. Я надеюсь, вы его не покинете...

Елизавета с трудом подавила в себе невольную симпатию к этой не то тонко игравшей, не то глубоко переживавшей женщине.

– Ты просишься уехать уже не в первый раз. Но что я скажу обществу? Какая причина этого удаления?

– Ваше величество! Объявите, если найдете это приличным, причины, по которым я навлекла на себя ваши подозрения и ненависть великого князя!

Императрица положила руку ей на голову:

– Где же ты будешь жить? Твоя мать умерла. Цербст занят пруссаками...

Сдерживая рыдания, Екатерина Алексеевна ответила:

– Поеду в Париж. К брату Фридриху-Августу...

На деле она, конечно, и не помышляла ни о каком отъезде. Да и братцу, цербстскому князю без княжества, не до нее. Екатерина лихорадочно искала, на кого можно было бы опереться в это трудное время. Ведь приход к власти Петра Федоровича означал бы для нее скорую или медленную, но неизбежную гибель. Но с кем посоветоваться? Все ее старые друзья изгнаны или в отлучке: бывший канцлер Бестужев-Рюмин в опале, лапушка Салтыков отослан в Гамбург, сердечный приятель граф Понятовский выехал из Петербурга по требованию императрицы, Захар Чернышев на войне. На душе пусто. Маленькая дочь Анна умерла, а сына она почти не видит. Надобно что-то предпринимать. Вот отчего она решилась, казалось бы, на неосторожный шаг – рассказала барону Остену, что сочла бы счастливейшим днем в своей жизни тот, когда императрица пожелала бы отстранить от престолонаследия ее мужа и завещать корону сыну. «Я предпочла бы быть матерью императора, чем супругой», – заявила она датскому посланнику. Расчет простой: это вызовет понимание и сочувствие; в Дании знают, что воцарение Петра Федоровича неминуемо означает войну с Россией из-за Голштинского княжества...

Елизавета приказала Екатерине Алексеевне встать; та повиновалась. В задумчивости императрица отошла к кушетке. Да, племянник спит и видит, как бы избавиться от ненавистной супруги. Он тотчас же женился бы на своей любовнице – толстой Лизке Воронцовой, которая открыто живет в его ораниенбаумском дворце...

Принцесса тем временем быстро оглядела комнату. Она не первый раз бывала на ночных аудиенциях у государыни. «Кто на сей раз из Шуваловых спрятан за ширмами? Иван, как это было на прошлом допросе, или его двоюродный брат Петр? А может быть, сам управляющий Тайной канцелярией граф Александр Иванович?» Затем она заметила вазу со свернутой

бумагой. Как хорошо, что появились два новых лица, на которых она может положиться! Двадцатипятилетний красавец, бретер и гуляка, отважный поручик Григорий Григорьевич, Гриша Орлов¹¹ готов за нее в огонь и в воду. И сорокадвухлетний обер-гофмейстер при Павле Никита Иванович Панин¹² тоже надежен. Это он предупредил принцессу запиской о своем разговоре с канцлером Воронцовым насчет злосчастной депеши...

Елизавета заговорила снова:

– Бог мне свидетель, сколько я плакала, когда ты была при смерти по приезде в Россию... Если бы я тебя не любила, то никогда не оставила бы у себя... – Она приблизилась к принцессе вплотную и нахмурилась, вспомнив все, что ей наговорили. – Но ты чрезмерно горда! Вспомни, как однажды в летнем дворце я подошла к тебе и спросила, не болит ли у тебя шея. Потому что ты едва поклонилась мне.

– Господи! – воскликнула Екатерина Алексеевна, глядя в глаза царице. – Как ваше величество могли думать, что я захочу гордиться перед вами! Клянусь, я и не подозревала, что вопрос, заданный четыре года назад, мог иметь подобные последствия...

Елизавета перебила ее:

– Ты воображаешь, что на свете нет человека умнее тебя!

– Если б я так думала о себе, – кротко проговорила Екатерина Алексеевна, – то мое теперешнее положение и самый этот разговор лучше всего способны вывести меня из этого заблуждения. Я до сих пор по глупости своей не понимала того, что угодно было вам сказать мне четыре года назад...

Слушая принцессу, Елизавета заметила, что Петр Федорович все время о чем-то шушукается с канцлером Воронцовым. Она подошла к ним и стала тихо увещевать великого князя примириться с женой. Петр Федорович сперва возражал вполголоса, но затем не вытерпел, притопнул ногой и вскрикнул:

– Ее надобно немедленно выслать! Она ужасно зла и страшно упряма!

Екатерина Алексеевна, слыша это, обратилась к великому князю:

– Я рада случаю объяснить вам в присутствии ее величества, что я действительно зла – зла на тех, кто советует вам делать несправедливости. Да, я стала упрямой. Потому что моя угодливость навлекла на меня только одну вашу неприязнь.

– Дрян! Дрян! – Великий князь заплакал, громко и безутешно, словно обманутое дитя. Обе женщины отвернулись.

– Ладно... Иди... – после недолгого молчания приказала племяннику, не оборачиваясь, императрица.

Вслед за Петром Федоровичем, повинувшись знаку Елизаветы, вышел и граф Михаил Ларионович Воронцов, великий канцлер.

– Теперь мы одни, и я могу сказать тебе правду, – негромко, но грозно молвила она.

– Я догадываюсь, ваше величество! Вы хотите попрекнуть меня за разговоры о наследнике Павле Петровиче с бароном Остеном и французским посланником Бретелей, – потупив глаза, как бы из глубины души, ответила Екатерина Алексеевна. – Но, свидетель Бог, я говорила это, думая лишь о благе России...

Елизавета невольно протянула руку к вазе. Граф Иван Иванович Шувалов пытался из-за ширмы змеиным шипом или птичьим чиканьем, наподобие воробьиного, удержать императрицу от преждевременного шага, но понимал, что игра разгадана. «Экая филя, право, – ворчал он про себя. – И куда ей до молодой княгини! Ведь обвела – и не в первый раз обвела – вокруг пальца. Как будто Екатерина Алексеевна умудрена жизнью, а матушка-царица – моло-

¹¹ Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783) – граф, фаворит Екатерины II, один из организаторов дворцового переворота 1762 г., генерал-фельдцейхмейстер русской армии.

¹² Панин Никита Иванович (1718–1783) – граф, дипломат. Воспитатель Павла I, с 1763 г. был руководителем Коллегии иностранных дел.

дая, неопытная простушка...» Втайне он сочувствовал принцессе и надеялся, что допрос приведет к доверительной беседе о престолонаследии. Ведь не далее как на прошлой неделе сама государыня размышляла, что надо бы объявить наследником Павла, а его отца либо обоих родителей выслать из России...

– Я не виню тебя, – наконец тихо сказала Елизавета Петровна. – Я сама не знаю, что делать... Иди!

«Поздравляю себя с рождающейся милостью, – подумала принцесса. – Впрочем, не столько довольны мной, сколько недовольны великим князем. Да, как же звали того мальчика-офицера, который передал мне предупреждение Панина? У него такая трудная русская фамилия... А, Михайло Голенищев-Кутузов! Надобно при случае вознаградить его...»

Она низко поклонилась и покинула покои царицы.

...Куранты прозвенели три пополуночи. Вызолоченный вепрь нес на могучей спине Время, отмеряя последние часы в жизни государыни Елизаветы Петровны.

Глава вторая. «...Я – русский...»

1

Шестнадцатилетний прапорщик Кутузов скучал у бронзовой решетки Большого Ораниенбаумского дворца.

Плоская равнина незаметно становилась морем, серое зеркало которого было до зевоты пустынно: не на чем глаз остановить – ни птицы, ни паруса. Лишь на горизонте обозначалась слабым контуром морская крепость Кронштадт на острове Котлин.

Начало обычного развода неопределенно затягивалось – накануне император Петр Федорович засиделся за ужином до пяти пополуночи, крепко перебрав в служении Бахусу. Впрочем, в Ораниенбауме, как примечал Кутузов, царил полный разгул: каждодневные разводы голштинских батальонов, а после – шумные застолья, пьяные ужины, невоздержанные речи и неисполнимые распоряжения государя. Сюда, в летнюю резиденцию Петра Федоровича, съехались его немцы-родственники, чтобы отметить 29 июня – тезоименитство императора – день святых Петра и Павла.

Среди них был и дальний родич Петра Федоровича по Голштинскому дому, генерал-губернатор Санкт-Петербурга и Эстляндии, фельдмаршал, принц Петр-Август-Фридрих Голштейн-Бек, при котором обязанности флигель-адъютанта выполнял Кутузов.

Назначение на эту должность, совершенно неожиданное для молодого офицера, последовало 1 марта 1762 года. Лишь позднее Кутузов узнал, что за него просила сама Екатерина Алексеевна. Для юного прапорщика Астраханского полка подобный пост был чрезвычайно лестным, хотя сам он тяготился своими обязанностями при особе генерал-фельдмаршала. Зато приобретенные в эту пору навыки очень помогли Михаилу Илларионовичу в дальнейшем – в годы его генерал-губернаторства в Киеве и Вильне...

Когда к прапорщику подошел двадцатичетырехлетний фронт – флигель-адъютант Петра Федоровича князь Барятинский, от увенчанного императорской короной дворца послышались пьяные крики, смех, немецкие восклицания. По желтым дорожкам, меж померанцевых деревьев в кадках и мраморных статуй, вдоль канала скакали с десятков разряженных в узкие цветные мундиры молодых людей. Иные с хохотом становились на четвереньки, прочие прыгали через них. Кое-кто и в чехарде не выпускал изо рта глиняных трубок, издавая довольно громкое мычание и немилосердно дымя вонючим смрадом. Впереди же всей честной компании неслась и ловко кружилась, несмотря на дородность, краснолицая женщина в богатой робе на немецкий лад.

– Кажется, Елизавета Романовна сегодня в хорошем настроении, – кивнул в сторону фаворитки царя Воронцовой Кутузов.

– Чего нельзя сказать о государе, – озабоченно отвечал князь Барятинский. – Он встал поздно и с головной болью. Бог даст, экзерциции на разводе развеселят его...

Разговор велся на немецком языке, хотя оба собеседника были русскими. Впрочем, немецкая речь господствовала при дворе нового императора, ибо почти все его приближенные принадлежали к природным голштинцам или пруссакам: дядя Петра принц Георг-Людвиг, граф Миних, правая рука государя – прусский посланник Гольц, начальник голштинского войска генерал-лейтенант Ливен, граф Петр Антонович Девьер, принц Голштейн-Бек и его двенадцатилетняя дочь Екатерина, которую уже прочили в невесты князю Барятинскому...

– Смотрите! – воскликнул флигель-адъютант. – Его величество!

Посреди толпы длинный голштинец с маленьким, детским лицом, размахивая руками, закричал по-немецки:

– Братцы! Кто свалит с ног первым? – и заскакал по аллее на одной ноге.

Прочие запрыгали за ним, норовя наддать его величеству коленом по мягкому месту, однако никто не преуспел. Тогда Елизавета Романовна сама набежала на него сзади и сшибла на газон с визгом и хохотом.

– Вижу, что его величество уже успел несколько поправиться, – с самым невинным видом заметил Кутузов.

– Да, государь предпочитает с утра аглицкое пиво, до которого он превеликий охотник, – не чувствуя насмешки, пояснил Барятинский.

Глядя на забавы Петра Федоровича, Кутузов невольно вспомнил о той игре, какую учинил император на похоронах своей тетки Елизаветы Петровны. Он был в тот день чрезмерно весел и, шествуя за катафалком, то замедлял шаг свой настолько, что отпускал лошадей с гробом на тридцать сажен, то пускался за ним бегом вприпрыжку. Несшие его шлейф старшие камергеры пытались не отстать, но выронили концы. Шлейф развеялся по ветру, Петр Федорович хохотал. Процессия мало-помалу расстроилась, а после и встала. Сколько пересудов и толков в гвардии и при дворе вызвали шалости нового самодержца!..

Ропотом встречены были и первые же указы Петра Федоровича. Он тотчас заключил с Пруссией оскорбительный для России как страны-победительницы мир и готовился развязать совершенно нелепую войну против Дании из-за мелких голштинских амбиций. Принц Георг-Людвиг был послан в Петербург для последних приготовлений к походу. От Васеньки Библикова Кутузов слышал, что в полках, особенно в гвардейских, не скрывают недовольства, произносятся пылкие возмутительные речи. Шло брожение и в Астраханском полку, в составе которого числился юный поручик...

Из-за темно-зеленых куц, с невидимого отсюда плаца, прозвучал сигнал трубы: начинался вахтпарад. Кутузов с князем Барятинским шли, перекидываясь фразами. Со стороны их можно было принять за добрых приятелей. Однако Михаил Илларионович едва терпел князя, а тот страшился его колкого языка и насмешливого ума.

– Нам предстоят героические дела, – говорил Барятинский. – Сам великий Фридрих благословил государя покарать Данию. А кто бы мог сравниться в военной истории с сим знаменитым мужем!..

Кутузов вспомнил о славном роде Барятинских: Рюриковичи, потомки князя Михаила Черниговского, они храбро воевали со шведами и поляками, а дед теперешнего собеседника отличился в Полтавской битве и в Персидском походе Петра Великого.

– Знаете, князь Иван Сергеевич, – с самой обворожительной улыбкой сказал Кутузов, – вы не носите свою знаменитую фамилию – вы тащите ее за собой...

После развода, где генерал-лейтенант барон фон Ливен по глазам угадывал все желания императора, Петр Федорович окончательно обрел беззаботную веселость. Предстояло отпра-

виться в Петергоф, где находилась на положении полусыльной императрица Екатерина Алексеевна. Для соблюдения приличий накануне Петрова дня во дворце Монплеизир у государыни был назначен большой обед.

Впереди поскакали голштинские гусары, за ними – Петр Федорович с самыми близкими придворными в каретах и колясках. Адьютант принца Голштейн-Бека вместе с несколькими офицерами и многочисленной челядью трясся на одной из длинных линеек.

От Ораниенбаума до Петергофа путь недалог. Весело болтая, путники добрались к двум часам пополудни.

Дамы и кавалеры праздно рассыпались по парку, направились к Драконову каскаду и римским фонтанам, к Самсону, раздирающему пасть льва (тогда еще не бронзовому, а свинцовому). Но что это? От Монплезира послышались тревожные крики, а затем и женский плач.

Дворец, где должна была находиться Екатерина Алексеевна вместе с дамами и придворными кавалерами, был найден пустым!

Прислуга рассказала, что императрица еще ранним утром поспешно уехала в Петербург с двумя офицерами. Полчаса прошло в тупом недоумении. Самые опытные из царедворцев – генерал-прокурор князь Трубецкой, граф Александр Иванович Шувалов и великий канцлер Воронцов предложили Петру Федоровичу отпустить их в столицу, чтобы выяснить, что там делается, и привезти необходимые сведения. Вскоре после их отъезда появился поручик-преображенец с фейерверком для готовящегося торжества. Он сообщил, что при выезде из Петербурга слышал большой шум, видел, как многие солдаты бегали с обнаженными тесаками и провозглашали государыню царствующей императрицей...

Для Кутузова это было похмельем на чужом пиру.

С холодным, чуть насмешливым любопытством наблюдал он, как паника мало-помалу охватила недавно еще развеселую компанию. Женские всхлипывания перешли сперва в рыдания, а затем и в громкий вой. Растерялись и вельможи: обер-гофмаршал Александр Александрович Нарышкин и его брат обер-штальмейстер Лев Александрович, отец фаворитки Роман Илларионович Воронцов. Однако кое-кто и тут не потерял головы. Бабы крики скоро перекрыл резкий тенор генерал-лейтенанта Ливена. Он тотчас разослал адъютантов, ординарцев и гусар по дорогам, ведущим в Петербург, для разведки. Шеф астраханцев Измайлов и шеф ингерманландцев Мельгунов отправили офицера с приказом немедля привести оба полка в Ораниенбаум.

Непривычная деятельность, видимо, утомила Петра Федоровича, которому приходилось подписывать множество бумаг. Со всех сторон между тем сыпались советы: скакать на перекладных в Нарву, где находятся войска, выступающие в датский поход; бежать еще далее – в отчину государя Голштинию; отплыть в Кронштадт. А престарелый Миних предложил даже явиться в Петербург и выступить перед народом и гвардией, заявив о своих законных правах на престол...

Но сам Петр Федорович не мог ни на что решиться. Наконец он почувствовал острый голод и вместо предполагавшегося праздничного пиршества наскоро пообедал прямо на деревянной скамейке у канала жарким с бутербродами, выпив изрядное количество бургундского и шампанского.

Наступил вечер 28 июня. Никто из посланных гонцов так и не возвратился. Ни слуху ни духу не было и об отправившихся увещевать Екатерину Алексеевну первых вельможах государства. Лишь князь Барятинский, посланный на шлюпке в Кронштадт, привез утешительную весть: комендант крепости Нуммерс ожидает своего императора.

Это был последний шанс.

Кутузов наблюдал с берега, как лихорадочно грузилась на галеру и яхту провизия, как прыгали с берега в шлюпки сам Петр Федорович с Лизкой Воронцовой, принцесса Екатерина Голштейн-Бек, ее отец со своей невестой – толстой принцессой Каролиной, голштинцы фон

Румор, Штелин, Ливен, пруссаки барон Гольц, граф Штейнбок, немногочисленные оставшиеся при особе государя русские вельможи...

Была ночь, и не было ночи.

Серебристый, рассеянный свет позволял видеть словно днем. Михаил Илларионович, сидя на скамейке, покинутой императором, глядел на удаляющиеся суда и размышлял о возможных последствиях необыкновенного дня...

Трудно было нарочно придумать такие две противоположные фигуры, такие характеры-антиподы, как Петр Федорович и Екатерина Алексеевна. Даже внешне они казались несовместимыми: он – длинный, с маленьким, злобным и довольно живым лицом, в смешном прусском наряде и штиблетах, не позволяющих даже сгибать ноги при ходьбе; она – крепкая и здоровая, с гордой поступью и приятным станом, с открытым лицом, с каштанового цвета волосами и черными глазами, которые, отражая свет, приобретали голубоватый оттенок, и с ослепительно-белой кожей. Он болтлив, непоследователен, вспыльчив и зачастую неуправляем; она внимательна, кротка, внешне послушлива, с огромной внутренней работой ума и сердца. Здесь контраст духовный был еще разительнее физического.

В то время как муж, будучи наследником престола, играл в солдатики и судил военнопольевым судом крыс, а во время православного богослужения в церкви показывал язык дяконам и священникам, жена читала Плутарха, Монтескье, Бейля и управляла за него Голштинским герцогством, самолично рассматривая деловые бумаги. Великий князь, а затем государь «всея Великия, Малыя и Белья Руси», в жилах которого текла кровь Петра Великого, каждым своим шагом оскорблял русское национальное достоинство; напротив, Екатерина Алексеевна во всем подчеркивала верность древним заветам и во время болезни просила врачей выпустить из нее немецкую кровь, чтобы заменить ее на русскую...

Михаил Кутузов сидел белой июньской ночью, вглядываясь в море, и думал о превратностях судьбы. Но вот на горизонте обозначился силуэт; к берегу шло какое-то судно. Это возвращалась галера императора (все еще императора!) Петра Федоровича.

Теряясь в догадках, молодой офицер не мог, конечно, знать, что, пока Петр III мешкал, в Кронштадт примчался вице-адмирал Талызин, немедля привел гарнизон к присяге новой государыне и приказал не допускать на остров и в крепость ни единой души. Когда галера и яхта подошли к Кронштадту, в ответ на приказы и даже мольбы Петра Федоровича было сказано, что в него будут стрелять. Потрясенный, император опустил в каюту, и галера убралась восвояси...

Уже унылыми тенями проплелись мимо Кутузова незадачливые мореплаватели. Михаил Илларионович был рад, что Голштейн-Бек, в полной прострации, не обратил внимания на своего адъютанта. Он пошел в парк, уже понимая, что присутствует при последнем акте драмы или, скорее, трагикомедии.

Кутузов кружил по аллеям, когда со стороны Петербургского тракта заворковал ружейный огонь и тотчас смолк. Он выбежал к дворцу: толпа лейб-гусар, весело переругиваясь, разоружала голштинцев. От толпы отделился гвардейский офицер, в котором Михаил Илларионович не сразу признал Васеньку Бибикова. В величайшем возбуждении он кричал, обнимая и целуя Кутузова:

– Поздравляю с государыней!.. Мы с Алексеем Орловым вчера спозаранок отвезли ее величество из Петергофа в Питер!.. Она – сущий ангел!.. Теперь немецким порядкам – конец!

Петр Федорович на глазах у Кутузова под сильным конвоем был отправлен под арест в Ропшу. Через несколько дней он внезапно скончался там, как было объявлено, «от геморроидальных коллик». Тело усопшего на утренней заре перевезли в Александро-Невскую лавру и поставили в скромных деревянных покоях архиепископа. Три дня приходили туда вельможи и простой народ; улучил время проститься с государем и Михаил Илларионович.

Петр III лежал в бедном гробу, четыре свечи горели по сторонам. Сложенные на груди руки одетого в поношенный голштинский мундир покойного были в больших белых перчатках, на которых запеклась кровь. Как говорили, от следов небрежного вскрытия.

Екатерина почла за лучшее не являться в лавру. Кутузов слышал, будто сенаторы убедили ее не ходить на погребение мужа...

2

– Ты, мой друг, должен теперь помочь мне и позаботиться о достойном приеме ее величества. Мы все есть верные рабы нашей всемилостивейшей государыни. Итак, во-первых...

Генерал-губернатор Эстляндии Петр-Август-Фридрих Голштейн-Бек стар, брюзглив, мокрогуб. По своей беззубости на родном немецком языке говорит хоть и быстро, но до крайности шепеляво. Иногда – к месту и не к месту – вставляет русские словечки и речения.

Крестник Петра Великого, он вступил в российское подданство только при императрице Анне Иоанновне и был возведен в чин генерал-фельдмаршала покойным Петром Федоровичем. Принц не любил свою вторую родину; старший сын Голштейн-Бека пал при Цорндорфе, находясь под знаменами Фридриха II. Дурной нрав Голштейн-Бека и нежелание учиться русскому языку отмечал еще граф Миних, в армии которого принц Петр-Август-Фридрих сражался против турок.

– Запомни хорошенько, мой друг, – бубнил фельдмаршал, утонув в глубоком кресле, своему адъютанту, почтительно стоявшему перед ним. – В важных делах мелочей не бывает. Вникни во все до тонкости...

Капитан Астраханского пехотного полка Кутузов привычно изобразил внимание, пропуская мимо ушей многословные поучения принца.

– Привези от графа Румянцева точное расписание, когда и где его дивизия будет учинять маневры в честь ее величества. И в какой день и час государыня соизволит посетить мызу графа Петра Александровича...

Заведуя два с лишним года канцелярией генерал-губернатора, Михаил Илларионович хорошо изучил характер Голштейн-Бека и уже успел распорядиться обо всем нужном.

– Да проверь, – монотонно шепелявил генерал-губернатор, – изготовил ли обер-фоxt¹³ Весель приветственные стихи ее величеству. Прочти, хороши ли они, прикажи от моего имени отвезти в типографию и немедля их напечатать. И еще узнай, все ли подготовил гауптман Ульрих в рыцарском доме для торжественной встречи...

Кутузов побывал к этому часу и в штабе дивизии графа Румянцева, который выслал навстречу императрице три эскадрона кирасирского и карабинерного полков, и в рыцарском доме, и еще в десятке других мест, о которых позабыл принц Петр-Август-Фридрих. Михаил Илларионович несколько раз обошел все покои Екатерининского дворца, где должна была расположиться со свитой государыня, поднялся на яхту «Святая великомученица Екатерина», над которой развевался кормовой генеральсфлаг, и уточнил, когда флот адмирала Полянского изобразит государыне баталии морского сражения.

Михаил Илларионович думал теперь о том, что вечером его ожидает приятное свидание с Гретхен, белокурой и пригожей, словно фарфоровой, дочкой председателя ревельского магистрата. Скопив глаза, он видел за готическим окном губернаторского кабинета, с высоты Вышегорского замка, веселую июньскую зелень, стрельчатые крыши кирх, а за ними – встающее на полнеба, густо-зеленое, усеянное, словно чайками, парусами море.

¹³ Обер-фоxt – командир конвента рыцарей (нем.).

– Я так беспокоюсь, мой друг, – бубнил Голштейн-Бек, – потому что ее величество обратила свои взоры на Эстляндию, Лифляндию и Курляндию¹⁴, имея какие-то важные цели...

Кутузов снова изобразил на лице крайнюю степень внимания.

Продолжая числиться в Астраханском полку, он, подобно множеству других офицеров в русской армии только приписанных к полкам, там даже не появлялся. Это подтверждается документально. Так, ко времени назначения командиром Астраханского полка Суворова в августе 1762 года, в полковом списке значилось шестнадцать капитанов, но лишь восемь из них, как сказано в документе, были «при полку в комплекте». Остальные находились в отпуске или в долгосрочных командировках. Понятно, что первыми перечислялись офицеры, действительно несшие службу. Кутузов поименован в списке капитанов последним, шестнадцатым. Иначе сказать, он отсутствовал.

Такое положение, кстати, было характерно во все время царствования Екатерины II, а затем и при Александре I. Сам Кутузов впоследствии имел адъютантов, лишь числившихся в лейб-гусарском, гвардейском Семеновском, кирасирском, Изюмском гусарском и ряде других полков.

...Едва лишь Голштейн-Бек закончил свой бубнеж, Михаил Илларионович, словно он выпитал каждое слово принца, быстро затараторил по-немецки:

– Не волнуйтесь, ваша светлость! Все распоряжения вашей светлости будут исполнены в точности. Извольте, ваша светлость, рассмотреть и подписать эти бумаги, в коих составлен подробный ход церемониала...

Принц Петр-Август-Фридрих поднялся с кресел, подобрал нижнюю губу, распростер для объятия свои подагрические руки и с умилением воскликнул:

– Друг мой! Каждый раз, слушая тебя, я думаю: ты удивляешь меня! Да и как не дивиться тому, что ты говоришь истинно как природный немец!..

Кутузов наклонил голову, чтобы фельдмаршал не увидел насмешки, пробежавшей по его лицу, и полушутливо, но твердо ответил:

– Ваша светлость! Я только с немцами – немец. С русскими – я русский!

3

Триумфальные арки, пушечная пальба, фейерверки, восторженные крики встретили государыню, едва она вступила в пределы Эстляндии.

Михаил Илларионович в числе лиц, ожидавших императрицу, находился в Ехлегте, на последней от Ревеля почте. Здесь уже были члены ландрата, рыцари, знатные мещане и представители магистрата. Под городским штандартом, на конях, поротно расположились вооруженные горожане, разодетые в богатые кафтаны, с литаврами и трубами. В дорогих нарядах были их жены и дочери, стоявшие с букетами цветов.

Да, как подмечал Кутузов, здесь жилось лучше, сытнее, богаче, чем в России. И не только мещанам и ремесленникам, но и простым землепашцам.

Но вот ударили колотушки литавристов, запели трубы, забурлила толпа. На дороге показался огромный – из 57 экипажей – поезд русской государыни. Возле парадной кареты ехали верхами в окружении гвардейских офицеров граф Алексей Орлов и обер-шталмейстер Лев Нарышкин. Когда же в окошке кареты показалась царица, восторг толпы достиг предела.

Не останавливаясь, поезд двинулся в Екатеринталь – увеселительный дом близ Ревеля, заложенный еще Петром I.

¹⁴ Курляндское герцогство – государство на территории Курземе и Земгале. Столица – Митава. Герцогство образовалось при распаде Ливонского ордена, с 1617 г. – дворянская республика. С 1569 г. было вассалом Речи Посполитой, с 1710 г. – России. В 1795 г. присоединено к Российской империи (Курляндская губерния).

Ревель, или по-русски Колывань, перешел к России при Петре. В течение многих столетий земли эти усиленно онемечивались: в XIII веке меченосцы разрушили эстонскую крепость Линданиссе на Вышегорской горе и построили на ее месте мощный замок. Различные пришельцы – датчане, ливонские рыцари, шведы – жестоко подавляли стремление местного населения к независимости.

Придя к власти, Екатерина II не скрывала озабоченности прусским натиском на Прибалтику. Речь шла прежде всего о судьбе Курляндии, формально независимом герцогстве, владение которым Петр III передал своему дядюшке – пруссофилу принцу Георгу-Людвигу. Применяя посулы, угрозы и даже открытую силу, Екатерина удалила принца и поставила на его место возвращенного из ссылки Бирона¹⁵. Это был тонкий ход: убивались сразу два зайца – из России удалялся ненавистный временщик Анны Иоанновны, а в Митаве оказывался послушный Петербургу вассал.

Капитан Кутузов следовал в процессии за каретой императрицы.

Едва поезд приблизился к Екатеринталю, как ухнула сигнальная пушка. Тотчас открылась пальба со всех городских укреплений Ревеля и с кораблей стоящего на рейде флота. Гром выстрелов заглушил торжественный колокольный перезвон...

Со следующего дня пошли непрерывные празднества, увеселения и балы: прием в Екатеринтальском дворце для знатных персон, генералитета и всех находящихся в Ревеле русских офицеров, для членов магистрата, для православного и лютеранского духовенства и знатного мещанства; шествие русской самодержицы в Ревель; посещение соборной церкви Казанской Богородицы; торжественный обед в ратхаузе¹⁶; смотр в военном лагере дивизии графа Румянцева (Екатерина для этого случая надела армейский мундир); наконец, маскарад во дворце генерал-губернатора.

В Вышегорском замке, где некогда пировали свирепые меченосцы, собрался, кажется, весь город.

Кутузов шутил в уголке залы с очаровательной Гретхен, которая искусно смущалась и вспыхивала от его изящных двусмысленностей, что радовало наблюдавшего за ними начальника магистрата, гордившегося своей скромной дочерью. А Михаил Илларионович, глядя на нее, думал: «Да! Вот женщины! Воистину, это о них сказано: в тихом омуте черти водятся...» В наряде пастушки, с бутафорской овечкой на руках, голубоглазая Гретхен казалась воплощением невинности и знаменитой германской добродетели...

Но вот гауптман Ульрих стуком серебряного жезла возвестил о том, что повелительница России явилась на маскарад.

По странному совпадению Екатерина Алексеевна, как и тогда, четыре года назад, была в голубой полумаске, но Кутузов теперь мог довольно близко рассмотреть ее. Совсем иная, чем в ту встречу, в Петербурге, женщина предстала в ревельской зале: самоуверенная, гордо несшая порфиру самодержицы, и одновременно приветливая, доброжелательная и умеющая слушать своих подчиненных.

Михаил Илларионович поспешил на помощь генерал-губернатору, который в растерянности лепетал что-то царице. Он смело вступил в разговор, пособляя Голштейн-Беку отвечать на расспросы о крае и его жителях.

Услышав фамилию офицера, Екатерина поинтересовалась, не сын ли он генерал-поручика Лариона Матвеевича, и затем сказала:

¹⁵ Бирон Эрнст Иоганн (1680–1772) – граф, фаворит императрицы Анны Иоанновны. После дворцового переворота был сослан, Петром III помилован и возвращен в Петербург.

¹⁶ В ратуше (от нем. Rathaus).

– По проекту батюшки вашего заканчивается строительство Екатерининского канала. Он столь нужен жителям Петербурга. Отныне они будут предотвращены от губельных последствий разливов Невы. . .

Она еще раз поглядела на молодого капитана в мундире Астраханского полка, и феноменальная память подсказала царице что-то. Внезапно Екатерина Алексеевна положила маленькую, изящную руку на его сильную мужскую кисть и спросила:

– А каково ваше заветное желание?

– Как можно скорее отличиться на поле брани! – тотчас ответил Михаил Илларионович. Ему уже довольно надоела канцелярская служба у Голштейн-Бека и однообразие светских развлечений.

– Желание ваше будет непременно исполнено, – продолжая задумчиво глядеть на офицера, проговорила государыня.

Вскоре после отъезда Екатерины в Петербург пришел приказ о назначении Кутузова в корпус генерала Веймарна, расположенный в Польше.

4

Чувственным и легкомысленным был пышный екатеринский век. Процветало и даже поощрялось то, что Пушкин с улыбкой снисхождения именовал как «похоти боярские». Чреда незамужних цариц-женщин на российском троне – Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, наконец, Екатерина II – самим своим личным статусом, не говоря уже об интимной жизни, не способствовала святости семейных уз. Фаворитизм скоро сделался при дворе обычной нормой, а следовательно, не мог не сказаться на воспитании чувств дворянства. Провинция и столица жили остренькими сплетнями, что госпожа такая-то де забрюхатела и выкинула, и сверяли по календарю, где находился в положенный срок ее законный муж.

В деревенских имениях, в губернских и уездных городах, в высшем петербургском и московском свете у дворянства оставалось слишком много свободного времени, за вычетом хозяйствования, обязанностей чиновников у мужчин и неизбежных материнских забот. Особенно легкомысленные нравы царили в высшем придворном кругу, в атмосфере балов и маскарадов, банкетов, празднеств, каруселей и спектаклей. С ранней юности начинали привыкать к любовным похождениям «российские фобласы», в 14 и 15 лет посещавшие уже куртаги и балы. Из камер-фурьерских журналов мы узнаем о правиле, по которому запрещался вход на придворные маскарады только лицам моложе 13 лет! Празднества и праздности имеют один корень; тогда в глазах света они совпали.

Исключением оставалась военная служба.

Выезжая в поле, перед лицом неприятеля дворянин-офицер уравнивался с мужиком-солдатом. Правила сословной чести и достоинства ставили трусость в бою в разряд самых гнусных пороков. Трус был презираем хуже шулера и вора. Образовался постепенно тот слой служилого военного дворянства, из которого складывался русский офицерский корпус – незабвенные Гринева, Максим Максимычи, Тушины или тот герой Бородине – «слуга царю, отец солдатам», уже полковником сложивший голову со словами «не Москва ль за нами», сдержав «клятву верности».

С 1764 года, с открывшихся военных действий в Польше, Кутузов начинает почти непрерывное, едва ли не тридцатилетнее огневое поприще – от схватки с отрядом князя Радзивилла у стен Вильны до штурма Измаила и кровопролитного сражения при Мачине.

Часть II

Глава первая. Заново рожденный

1

Представим себе крымский берег двести с лишним лет назад, когда не существовало курорта Алушта, а была лишь Алуштинская пристань у поселка и маленькая татарская деревушка Шума.

Ничего не изменилось с тех далеких по нашим меркам пор ни в очертаниях диких скал, растущих прямо из моря, ни в береговом рельефе бухты, ни в равнодушном величии гор Чатырдага, Демерджи, Кастели, ни в цвете июльского, неподвижного от зноя сапфирового неба, ни в медленном и безостановочном – взад-вперед – движении ленивого летнего моря. Иным был лишь ближний пейзаж. Горстка низких, беленных известью домиков под черепицей, с глухими по-восточному фасадами и саманными заборами: в центре – татары, а по окраинам деревушки, в сплошном оазисе виноградников, яблонь, груш, персиков, слив, каперсов, – греки, армяне, болгары. Они главные садоводы-труженики Крыма, данью которых богатеет в Бахчисарае хан Сагиб-Гирей.

Уже окончена кровавая русско-турецкая война и подписан победный мир в деревушке Кючук-Кайнарджи¹⁷. Но ни русские здесь, в Крыму, ни турки, высадившиеся на пристани и окопавшиеся у Шумы, об этом не подозревают. Двенадцать дней для той поры срок слишком малый, чтобы курьеры, стремглав доставившие эту весть в Петербург, успели из столицы донести ее до губернаторов.

Генерал-поручик граф Мусин-Пушкин, толстяк и брюзга, которого царица за слабохарактерность прозвала «нерешимым мешком», дал противнику укрепиться, колебался в обычных сомнениях, но 24 июля приказал: штурмовать. Под шквальным огнем солдаты замешкались. Бывший в голове атакующих подполковник выхватил у рослого мушкетера белое с синим крестом и золотыми наугольниками на красном древке знамя и увлек всех за собой. Роковой выстрел грянул почти в упор: пуля из гладкоствольного ружья, весящая около восьми золотников¹⁸, ударила подполковника в левый висок и вылетела у правого глаза. Он уже не видел, как солдаты преодолели окопы и опрокинули турок.

И офицеры-однополчане, и врачи, и сам граф Мусин-Пушкин, удивляясь, что раненый еще жив, были уверены, что Михаил Илларионович Кутузов не дотянет и до утра. Доктор запретил переносить подполковника: малейшее сотрясение могло непоправимо повредить мозг. Кутузову лишь перебинтовали голову и оставили там, где его настигла пуля...

Он лежал на овечьих шкурах, устремив вверх немигающий взгляд. Он видел и не видел. Толчками, с неистойвой, сатанинской болью, возвращалось сознание. И тогда он замечал, как из-за быстрых туч переливами бежал свет луны. И снова и снова кто-то натягивал ему на голову тесный черный мешок и он падал в бездну, на дне которой скалил зубы турок, разрядивший свою фузею¹⁹ прямо ему в голову. Турок подымался в месиве тел, и Кутузов узнавал тех, кто, сражаясь вместе с ним при Рябой Могиле, на реке Ларге, при Попешти, пал от пули, сабельного удара, пики, ядра или скончался от ран в Молдавии и Валахии. Тихими просьбами, жалобным

¹⁷ Русско-турецкая война 1768–1774 гг. окончилась Кючук-Кайнарджийским миром после того, как турецкие войска были разгромлены при Ларге, Кагуле, флот разбит в Чесменском сражении и был завоеван Крым.

¹⁸ Один золотник – примерно четыре грамма.

¹⁹ Фузея – ружье (от *фр.* fusille).

воем звали они его к себе – с протянутыми руками, призывными стонами, нежными заверениями отдохнуть, заснуть вместе с ними.

И, чувствуя, как вытекает из него жизнь, как смертной истомой напитывается немощное и неподатливое тело, Михаил Илларионович силился оторвать свинцовую голову от ложа, зная, что иначе – конец.

И вновь огненные когти рвали в клочья мозг, и от боли не хотелось жить, и на сумрачном западе чернели пирамидальные тополя, и слышался равнодушный плеск моря. Но Кутузов не давал натянуть на себя черный мешок, он не желал встречи с теми, кто там, внизу, на дне, ждет его, хочет увести с собой.

– Рано, рано! – бормотал он, споря с ними и возражая им. – Отец! – звал он. – Отец! Да помоги же мне! Приди...

Был ли это Ларион Матвеевич, или названный отец – Иван Лонгинович, или даже отец иной – всеобщий, родивший все сущее на земле, сам Кутузов не знал. Не знал и того, сколько времени пробежало с того рокового мига, когда из-под тюрбана грянул выстрел...

Все еще стояла ночь, но уже размело тучи. В небе выткался золотой узор – вон дрожит, как раздавленный бриллиант, в созвездии Большого Пса Сириус, вон Ковш, а вон Полярная звезда указывает прямо на Петербург...

Так что же такое наша жизнь? В чем ее смысл? В тех наслаждениях, которым так легкомысленно предавался он, в лукавой женской любви, в веселости и удовольствиях? В бесшабашной, в азарте и безоглядности отваге и в неосторожности поступков – с колкой шуткой, издевкой, бретерством? Или смысл в тех страданиях, которые теперь, если он выживет, будут сопровождать его до гробовой доски? И где мера, предел терпению человека? Вот она, судьба! Не клянись больше всуе. Ни животом своим, ни головою не клянись, ибо, как сказано в мудрой книге, не можешь ни одного волоса сделать белым или черным...

Каждому свое. Подполковник Анжели падал в обморок при одном виде крови. А он с двумя ротами легких войск, посланный Анжели на помощь, стоял несколько часов под непрерывной пальбой на реке Ларге, и даже тогда, когда рядом черепком чиненого ядра солдату снесло голову, Михаил Илларионович силою печальных обстоятельств и несправедливости был переведен в спокойный Крым. Анжели сам напросился уехать с главного театра военных действий туда, где не свистят пули. А Кутузов искал любой возможности выказать свое мужество – у села Цефоры, на Ларге и при Кагуле, под стенами Измаила. И наконец, при штурме лагеря у Алуштинской пристани...

– Месье, месье, взгляните! – посыпалась быстрая французская речь, послышался знакомый и даже как будто бы недовольный голос: – Да он еще жив! Невероятно!..

«Анжели – легок на помине...»

И в наступившем раннем крымском утре Кутузову померещилась на месте чернявой головы вздорного вертлявого французика, принципиально не желавшего выучиться русскому языку и знавшего одно лишь слово – «водка», голова другая, на тучном теле. Полное курносое лицо с надменно выпяченной пухлой нижней губой: всесильный главнокомандующий Молдавской армией граф Петр Александрович Румянцев²⁰.

2

Румянцев хохотал.

От сотрясающего все его большое, полное тело смеха сполз набок завитой парик и выступили крупные, как градины, слезы. Любимец графа капитан Замятин, державшийся с той развязностью, какая свойственна штабным офицерам, находящимся все время на виду у главного

²⁰ Румянцев-Задунайский П. А. (1725–1796) – граф, известный полководец, генерал-фельдмаршал, прославился в Семилетней войне. В русско-турецкой войне 1768–1774 гг. прославился победами при Рябой Могиле, Ларге, Кагуле.

начальника, с беспокойством глядел на своего благодетеля: не будет ли ему вместо ожидаемой милости за проявленную заботу отставка с одновременным утверждением нового фаворита?..

– Нет, ей-ей, не могу! Уморил, батюшка, уморил! – постанывал Румянцев, утираясь огромным, словно простыня, платком. – А ну-ка, покажи еще. Как я хожу, как разговариваю, как морщусь. Валяй, валяй...

Подполковник Кутузов невозмутимо выходил на середину просторной горницы и, слегка надув худые щеки, начинал медленно и важно шествовать к креслу графа. Затем, остановившись, делал вид – «Пуф! Пуф!» – будто вынимает изо рта трубку. (Румянцев был великий охотник курить из глиняных трубок и сейчас сжимал пипку в пухлом кулаке.) И вот уже Михаил Илларионович начинал отдавать повеления, преувеличенно акая на московский манер и с нерусской четкостью выделяя каждый слог.

«Да что же это делается? – в смятении рассуждал Замятин. – Я доложил его сиятельству, что подполковник Кутузов в компании офицеров дерзко передразнивал его, а граф аплодирует теперь насмешнику!» Хотя, может быть, Замятин побился крупно об заклад, что сделает это, и своего добился. Как-то за обеденным столом сказал, обращаясь к Румянцеву: «Давно тревожит меня мысль, ваше сиятельство, что в человеческом роду две противоположные крайности». «Какие же?» – поинтересовался граф. «Или дурак, или плут», – последовал заготовленный ответ. Главнокомандующий рассмеялся: «К какому же классу людей, мой батюшка, меня причисляешь?» «Конечно, ко второму!» – выпалил проказник. Румянцев оценил бойкость и остроу языка своего адъютанта, и тем дело кончилось...

– Похож! Ох как похож! – сквозь смех приговаривал между тем главнокомандующий.

«Но есть же мера!» – возмущался Замятин, вспоминая непристойные подробности веселой офицерской пирушки после очередной виктории, одержанной над турками.

...Пили арак – водку, выгнанную из изюма. Молодые офицеры громко рассуждали о видах на войну, вспоминали эпизоды последней сечи. Но особенно шумел подполковник Анжели, перебивавший всех и каждого, хоть сам и не участвовал в деле. Он трещал по-французски:

– А я, господа, готов служить и Богу, и дьяволу. Кто больше заплатит. Я продаю, господа, не только свою шпагу, но и все то, что составляет мою живую требуху. Берите же! Кто даст больше? Что? Загробная жизнь? Душа? Грехи? Бога нет, господа, это доказал уже Вольтер...

– Хватит болтать! – крикнул ему премьер-майор – гигант с красным, заросшим шерстью лицом. – Замолчи, петрушка! Только занудил! Пусть Кутузов покажет свое искусство! Право, он любого актера на театре за пояс заткнет!..

Михаил Илларионович не заставил долго просить себя. Вспомнился принц Голштейн-Бек, генерал-губернатор ревельский, часто изъяснявшийся на смеси немецкого и русского языков, старец, у которого губа нижняя мокра и отвисла, даже руками ее подбирал. Кутузов, притворно покашливая, вышел из-за стола, выпустил губу и важно, церемонно промаршировал по комнате, вытягивая по-журавлиному, на прусский манер, ноги. Потом, подбирая губу рукой, заговорил:

– Где есть майн адъютант Голениш-шев? Вас? Што? Не понимайт! Повторяет – видерхоллен! Ах, это ты есть майн адъютант? Гиб мир кусош-шек этого, как это? Забывайт чего. Принеси мне кусош-шек того, што я забывайт...

Под смех офицеров он изобразил затем вельмож и братьев графов Паниных, но особенно удачно – покойного государя Петра Федоровича.

– Bravo, Михаил! Bravo! «Лебеда»! «Лебеда» ему!.. – гремело за столом.

Усадив Кутузова, офицеры поднесли ему «лебеда» – в огромную посудину слили водку, пунш и виноградное вино. Под хлопки в ладоши он запрокинул лицо и медленно влил в себя пойло, сразу ощутив вертеж в голове. Кто-то (уж не Замятин ли?) предложил:

– Михаила Ларионович! А нашего главнокомандующего сможешь показать?

– Его сиятельство? – с хмельной улыбкой переспросил подполковник. – Нет ничего легче...

Он поднялся с лавки и, тщательно выделяя каждый слог, отчеканил:

– Е-го си-я-тель-ства в сва-ем га-ре-ме... – Кутузов сановито оглядел притихших офицеров. – А па-дай-те-ка мне в на-ту-раль-нам ви-де тур-чан-ку, что вчера-сь ат-би-ли у ви-зи-ря...

Молва о том, что славный полководец был примером непостоянства, ходила и в свете, и в армии. Супруга его, Екатерина Михайловна, статс-дама ее величества, свято хранившая верность мужу, присылала из Петербурга множество подарков. И не только ему и его камерди-нерам и приближенным, но подарила как-то несколько кусков шелка на платье его очередной любезной. Кутузов слышал, что добрый сердцем граф Петр Александрович был тронут до слез и сказал адъютантам: «Она человек придворный, а я солдат. Ну, право, батюшки, если бы знать ее любовника, нынче же отправил ему с курьером самые дорогие подарки!..»

– О-хо-хо! А-ха-ха!.. – плакал от смеха Румянцев, словно бы продолжалась веселая пьяная вечеринка и сам главнокомандующий был ее участником.

Внезапно граф Петр Александрович покосился на кусавшего губы Замятина:

– Говорят, батюшка, и насчет баб моих проходился?

Кутузов молчал, шире раскрыл свои большие темные глаза и выразительно поглядел в сторону адъютанта, только теперь догадавшись: «Ах ты, шпынь, доносчик!..»

Тогда Румянцев просох лицом, хватил трубкой о край стола, так что брызнули осколки, и заорал, наливаясь кровью:

– Меня? Передразнивать? Перед а-фи-це-ра-ми? За пуншем? У-нич-то-жу!..

В славном полководце еще жили болезненные воспоминания о пережитом в молодости из-за прекрасного пола. Чего он только не выкидывал! На двадцатом году, в чине полковника, в чем мать родила обучал верхом на коне батальон перед домом одного ревнивого мужа, а другому заплатил двойной штраф и в тот же день заметил ему, что тот не может жаловаться, ибо получил уже удовлетворение вперед. Государыня Елизавета Петровна, которой наконец надо-ели эти проказы, отправила Румянцева к отцу, чтобы тот сам примерно наказал его. Люби-мец Петра Великого тотчас велел принести пук розог. «Я полковник», – возразил сын. «Знаю и уважаю мундир твой, – ответил отец. – Но ему ничего не сделается. Я буду наказывать не полковника». Молодой граф Петр Александрович повиновался, не дозволив, однако, конюхам руками прикасаться к его мундиру. Когда его порядочно припопонили, закричал: «Держите! Держите! Утекаю!..»

Теперь Румянцев не мог остановиться в гневе.

– Из армии вон выкину! Раз-жа-лу-ю! – ревел он.

Кутузов был переведен в Крым к генерал-аншефу князю Долгорукову. От участия в серьезных кампаниях честолюбивому офицеру пришлось отказаться...

3

– Месье! Месье! Он все еще жив! – повторил Анжели.

Лекарь повернулся к говорящему и сухо возразил:

– Наука утверждает, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!

Затем он наклонился над раненым, заглянул ему в лицо, медленно поднялся и развел руками:

– Феноменально!

– Но кому нужна жизнь развалины? Кому полезен рамоли – слабоумный? – продолжал трещать Анжели. – Какой в этом смысл?

И тогда Михаил Илларионович приподнял голову и тихо, но внятно произнес:

– Смысл... жизни... в терпении...

4

Весть о чуде, которое равно воскрешению, достигла Петербурга. Екатерина II помнила Кутузова. Она сама завернула ему в коробочку знаки ордена Святого Георгия 4-й степени.

Осенью 1774 года Михаил Илларионович вернулся в столицу. Отец, инженер-генерал, всю войну находившийся в Молдавской армии, приехал в Петербург несколько раньше. В долгих беседах с сыном Илларион Матвеевич наставлял его, убеждая навсегда избавиться от слабостей ветреной молодости – излишней доверчивости и откровенности, злоязычной насмешливости. Почти каждый день Кутузов навещал своего воспитателя и второго отца – Ивана Лонгиновича.

К той поре И. Л. Голенищев-Кутузов, уже капитан 1-го ранга и директор Морского кадетского корпуса, был назначен генерал-казначеем флота. Он женился на Авдотье Ильиничне Бибиковой, сестре Васеньки и знаменитого вельможи генерал-аншефа Александра Ильича. Прекрасная хозяйка, она самолично солила грузди, квасила капусту, варила всевозможные варенья, парила, жарила, пекла, – и дом их был полной чашей. Но не только усладительные беседы с хозяином и обильный русский стол привлекали Михаила Илларионовича. Главным, хотя и тайным, магнитом была надежда встретить двадцатилетнюю Катю Бибикову, сестру Авдотьи Ильиничны по отцу.

Веселая, находчивая и в то же время застенчивая брюнетка с большими черными глазами, Катя все больше нравилась подполковнику. Не то чтобы он потерял голову, нет, ведь уже далеко не юноша. Но трезво оценивал: хороша, сметлива, даже умна, начитанна, набожна, скромна. И если бы не тяжкое ранение, которое по часту, особенно ночами, давало о себе знать мучительными приступами, Михаил Илларионович, верно, употребил бы все усилия, чтобы последовать примеру названного отца.

Однако, пока не пришло полного исцеления, нельзя и думать о браке. Кому в радость муж, который днем, на людях, неистощимо остроумен, владеет редкостной способностью пьянить собой других – своими занимательными рассказами и бывальщинами, а оказавшись в спальне, один, не находит себе места от головных болей и, словно лунатик, до рассвета бродит по дому? К тому же семья Бибиковых все еще носила траур: 9 апреля 1774 года внезапно скончался Александр Ильич Бибиков. Безутешный отец, инженер-генерал-поручик Илья Александрович, переживший двух жен – мать Авдотьи Ильиничны, урожденную Писареву, и Катину мать, урожденную Шишкову, – дал обет отложить на год все празднества и увеселения...

Кутузова пожелала видеть императрица. Она милостиво беседовала с ним о военных и государственных делах и, приметив его слабость, посоветовала ехать за границу – как для поправления и совершенного восстановления здоровья, так и для того, чтобы поглядеть мир. Казначеем для этого велено было выдать тысячу червонных. Вояж предстоял интересный и долгий: Германия, Англия, Голландия, Италия, Австрия...

Отправляя героя в чужие края, Екатерина говорила:

– Надобно беречь Кутузова. Он будет у меня великим генералом...

В Пруссии Михаил Илларионович на короткое время присоединился к свите князя Репнина²¹, своего бывшего начальника в Польше и Молдавии.

²¹ Репнин Николай Васильевич (1734–1801) – князь, генерал-фельдмаршал. В 1763–1769 гг. был послом в Польше, участник русско-турецких войн, командовал корпусом в Молдавии и Валахии. В 1775–1776 гг. был полномочным посланником в Турции. В 1791 г. осуществлял командование над соединенной армией во второй русско-турецкой войне. В 1794 г. стал губернатором виленским, гродненским, эстляндским и курляндским, в 1796 г. – губернатор Риги.

5

Сан-Суси в Потсдаме, на Виноградной горке, – второй Версаль, летнее прибежище государя-философа, друга Вольтера, писателя – автора трудов «Анти-Макиавелли» и «История Бранденбурга», поклонника живописи, ваяния, страстного музыканта. Сан-Суси означает «без забот», но рядом – военный лагерь, где не прекращаются плац-парады, где всякая сволочь, силой, обманом или деньгами загнанная в казарму, должна под палкой капрала преобразиться в идеальное, вымуштрованное до степени автомата войско, где вынашиваются новые агрессии для приращения к королевству завоеванных земель.

Сан-Суси – доброе сердце Пруссии, откуда «Отец народа» – «старый Фриц», в своей неизменной треуголке и грубом потертом солдатском плаще, обходит, подражая отцу, благодарных подданных, спорит с упрямым мельником, ветряк которого своим скрежетом и шумом мешает королю размышлять, экзаменует в сельской школе вместе с пастором учеников и запросто пьет с бауэрами в трактире скромную «гальбу» – пол-литровую кружку пива. Сан-Суси – полигон Европы, куда, чтобы увидеть великого полководца, со всех ее концов съезжаются иностранные офицеры, изумленные его действиями в трех кампаниях – стремительностью передвижений войск, внезапностью предупреждающих ударов, сверхъестественной дисциплиной, царящей в двухсоттысячной армии...

– Все мы ученики этого славного короля-солдата! Сейчас, друзья, вы получите счастье увидеть его и, возможно, поговорить с ним!..

Генерал-аншеф Репнин, фанатически преданный Фридриху II и его идеям, не устал воспевать военный гений прусского монарха. Его очень смуглое лицо с густыми красивыми бровями бледнело от волнения, едва князь Николай Васильевич вспоминал уже давний 1762 год, когда в качестве полномочного министра российского двора в Берлине он сблизился с Фридрихом и мог наблюдать его отличные воинские распоряжения в сражениях при Рейхенбахе и Швейднице.

Кутузов почтительно внимал горячим тирадам сорокалетнего князя. С группой русских офицеров они стояли в мраморном овальном зале с видом на дивный парк, уступами сбегаящий к фонтану. Здесь все напоминало о контрастах, которыми были отмечены личность и вкусы «старого Фрица»: против мраморного Аполлона надменно вскинул мальчишеское лицо бронзовый Карл XII; на нагое изваяние Венеры непроницаемо взирал бронзовый Ришелье.

«Знаменитый французский кардинал и министр, вероятно, олицетворяет для Фридриха II любимую мысль об абсолютной монархии, – рассуждал про себя Михаил Илларионович. – Ну а шведский король, безусловно, близок прусскому тем, что так же, как и он, любил поставить на карту все. Только его карта под Полтавой оказалась битой...»

По знаку шталмейстера прусские вельможи, генералы вперемежку с философами, гости из России через приемную с камином из белого итальянского мрамора проследовали в концертную комнату. Небольшое, рассчитанное на полтора десятка слушателей помещение казалось просторным из-за широких венецианских зеркал, в которых отражалась зелень и вода парка – природа словно вошла сюда.

Часы в деревянном корпусе прозвенели нежной мелодией. Четверо музыкантов заняли места. За пюпитром с черепаховой и перламутровой отделкой встал согнутый от ревматизма старик с флейтой. Начался концерт.

Квартет был сложен, сыгран давно, надежно. Каждый слышал другого так, словно одно существо пальцами, смычком, губами производило общую гармонию звуков. Флейта короля Пруссии нигде не нарушала этого согласия. Здесь не было повелителя народа, а был лишь такой же старательный исполнитель, как и виолончелист, пианист и скрипач.

– Музыка довольно изрядна... Только я не могу определить, кто автор... – шепнул Михаил Илларионович князю.

– Это сочинение, – не без гордости отвечал Репнин, – принадлежит перу его величества!..

Окна в парк были растворены, и майские ароматы жасмина, роз, сирени как бы продолжали ту же возвышенную, поэтичную тему. Кутузов, который после ранения стал слышать еще острее, чутким ухом уловил доносившиеся откуда-то издали слабые крики о пощаде и капральскую брань: «Ферфлюхте шайзе!»²² Очевидно, в казармах под виноградной горкой истязали провинившихся солдат...

После концерта Репнин представил Фридриху II подполковника Голенищева-Кутузова.

– Как? Вы и есть тот знаменитый русский, который выжил после смертельной раны в голову? Юберрашенд! Невероятно!..

Острый нос и глубоко запавшие глаза с их пронизывающим взглядом, сильная воля, несгибаемый характер, отталкивающая внешность и явные знаки уже подкрадывающейся старческой немощи – скручивающего суставы ревматизма, – таким запомнился Михаилу Илларионовичу король Пруссии.

– Мой отец, – между тем рассказывал Репнину Фридрих, – как известно, коллекционировал великанов-солдат и изгонял из королевства ученых и артизанов. Он распродал вашему императору Петру произведения искусства, собранные дедом. Я же поступаю наоборот. Я распустил этот нелепый батальон двухметровых верзил и приобрел во Франции драгоценные полотна и скульптуры. Они мне не менее дороги, чем дружба с философами. Взгляните же на них. Вот прекрасный Буше...

Вокруг короля Пруссии прыгало несколько такс, с лаем хватая его за полы и обшлага мундира. Фридрих успевал погладить каждую из своих любимиц, к которым прислуге было строго наказано обращаться только на «вы»...

– Как успеваете вы, ваше величество, посреди стольких ратных дел уделять еще непрестанно внимание прекрасному! – восхитился князь Николай Васильевич.

– В моем королевстве гром пушек не заглушает пения муз, – с видимым удовольствием подтвердил Фридрих.

– Покровитель муз и великий полководец! – говорил Репнин. – А ведь в ваших баталиях тоже есть скрытая красота – красота правильности воинского искусства. Да вот хотя бы взять сражение, где так блистательно отличилась кавалерия генерала Зейдлица... Как оно...

– Кунерсдорф? – с самым невинным видом вставил Кутузов.

Репнин улынулся наивной бестактности молодого офицера: под Кунерсдорфом прусская машина вдребезги разбилась о русскую стойкость. Зато Фридрих впился обжигающим взглядом в Михаила Илларионовича и прочел в его реплике нечто иное, вызвавшее досаду и боль. Не желая беречь эту застарелую рану, он почел за лучшее перевести разговор на другое. Прусский король хорошо знал о масонских связях Репнина и принялся расхваливать достоинства братства вольных каменщиков.

– Но позвольте, государь! – удивился князь Николай Васильевич. – Как же понимать тогда известное всему миру ваше августейшее внимание к дерзкому вольнодумцу Вольтеру? «Братья» отвергают Вольтера и его безбожное учение, как и Вольтер жестоко высмеивает их...

– Гений в силах сочетать несочетаемое, – снисходительно улынулся Фридрих. – Любовь к моему фернейскому другу не исключает глубокого почитания мудрости масонской...

Король поднял худые старческие руки и большим пальцем правой руки надавил на ладонь левой. Михаил Илларионович не знал, что таким магическим жестом Фридрих II сообщил Репнину о своей принадлежности к ложе.

²² Проклятое дерьмо! (нем.)

Разговор о масонстве неожиданно для Кутузова был продолжен во время их вечерней прогулки с князем Николаем Васильевичем в аллеях дворцового парка.

– Михаил Илларионович! – по своему обыкновению слегка гнусава, говорил Репнин. – Вы чудесным провидением спасены от смерти. Это не просто счастье. Это перст судьбы!..

У сорокалетнего генерал-аншефа главное – глаза: они сверкают то улыбкой, то гневом под темными, проведенными красивой аркой бровями, резко выделяясь на очень смуглом лице. Князь ростом мал, суховат, изящен. В разговоре остроумен, порой желчен, а то и гневлив. Но в близком кругу обходителен и добр до крайности. Он удивлял Кутузова начитанностью, редкой памятью, способностью к языкам и почти юношеской пылкостью сердца.

– Я чувствую это, – невольно поддаваясь настроению собеседника, отвечал Михаил Илларионович. – Какая-то огненная черта подведена под часть жизни моей. Много думал я в последнее время о свободе человека...

– В чем же вы видите ответ? Неужто в сочинениях Вольтера и Гельвеция? – с жаром перебил его князь Николай Васильевич.

– Нет! – просто сказал Кутузов. – Я прошел в юности через искус вольтерьянства. Но вижу теперь, что оно вместо освобождения принесло мне безверие. А значит, безнадежность. Однажды, читая Вольтера, я ощутил, как рушится и уничтожается во мне само вещество нравственности. Он низвергает власть земных и небесных богов. Но не замечает, что вместе с ними низвергает и высшее существо в человеческой душе. Где же оно?..

– Во всеобщей любви, – тихо произнес Репнин. – В мире разлита любовь. Она соединяет нас в служении высшим идеалам. Эта невидимая материя, или, лучше сказать, дух, открывает нам свет конечной истины. К ней указывает нам путь братство вольных каменщиков!

Против воли в эту минуту Михаилу Илларионовичу вспомнилась досужая молва, ходившая в Петербурге о Репнине: *сей умник предан масонству до глулости...*

– Простите, князь, – уклончиво возразил он. – Ведь масонство, насколько известно мне, непосвященному, проповедует идеи братства и равенства всех перед Господним престолом...

– Да, это так! – пылко подтвердил Репнин.

– И ведь не только за гробом, но и здесь, на земле, – подчеркнул Кутузов.

– Верно. Ну и что же?

– Не понимаю, как вы, потомок святого Владимира, разделяете такие взгляды...

Михаил Илларионович не досказал, а лишь подумал о высокомерном аристократизме князя Николая Васильевича. Находясь в Польше, в ранге полномочного министра, Репнин от чистого сердца недоумевал, почему русское правительство должно заботиться об иноверцах в этом краю, раз среди местных православных нет дворян...

Смутно белели в полумраке, на фоне черно-зеленых кущ, античные богини и герои. Мраморные тела их теперь, в таинстве нисходящей ночи, казались живыми. Словно откуда-то издалека доносился глуховатый голос князя Николая Васильевича:

– Я нашел в сем ордене источник сил для борьбы со страстями и ключ от тайны бытия. А моя родословная? Да знаете ли вы, Михайла Ларионович, что мать моя даже не дворянка, а дочь бедного пастора!..

И Репнин стал рассказывать о том, как его отец в молодости находился в Ливонии и жил на квартире у бедного сельского пастора Поля, как он подружился с ним и стал ухаживать за его дочерью, как их взаимное расположение не укрылось от верного дядьки, который и уведомил обо всем генерал-фельдмаршала князя Аникиту Ивановича²³.

– Дед получил письмо и немедля собрался в дорогу, – тихо говорил Репнин. – Немало удивил он моего батюшку приездом. Отец поведал о службе, о знакомых, упомянул и пастора.

²³ Репнин А. И. (1668–1726) – князь, генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I, участник Северной войны. В 1724–1725 гг. – президент Военной коллегии.

«А что ж ты молчишь об его дочери? – спросил дед. – Разве не правда, что ты ей занят?» Батюшка был сконфужен и сознался, что она ему действительно нравится. «Ты думаешь на ней жениться?» – спросил опять дед. Он уверял его, что не забывал никогда, до какой степени подобная женитьба для него невозможна. «Как? – крикнул дед. – Ты не хочешь жениться и пользуешься гостеприимством и доверием отца девушки, чтобы вскружить ей голову и запятнать ее честное имя? Нет! Этому не бывать! Я требую, чтобы ты назавтра же сделал ей предложение...»

– Князь Аникита Иванович был истинный воспитанник прямодушного Петра Великого! – с искренним восхищением отозвался Кутузов. – Какой это прекрасный урок на все времена!

– И урок для меня тоже, – тихо молвил Репнин. – Я хочу попросить вас: прочитайте сию книгу. – Он вынул из кармана камзола маленький томик. – Возможно, она откроет вам на многое глаза...

6

«Итак, достижение премудрости, искусства и добродетели есть первая цель, к которой истинный свободный каменщик стремиться должен. Но какую премудрость, думаете вы, должны мы стараться приобретать? Ту ли, которую обыкновенно находим в чадах мира, которая учит стремиться к владычеству, богатству, пред другими величаться, ненавидеть добродетель, любить те же пороки, искать пышности и почестей, не хотеть сносить ради Господа никакого поношения и гонения, следовательно, служить миру, плоти и диаволу более, нежели Богу, и предпочитать их Христу?»

Нет! Это не та Премудрость, к которой мы стремимся, которую ищем, которую стараемся постигнуть и которою хвалимся. Наша Премудрость есть та, которая соделывает нас чадами Божиими и обнадеживает нас в получении небесного наследия. Одним словом: это та, которую просил у Бога премудрейший из Царей и с которою вкупе получил он все прочие блаженства...»

Кутузов отложил немецкое сочинение Карла Губерта Лобрейха фон Плуменека «Влияние истинного свободного каменничества во всеобщее благо государств, обнаруженное и доказанное из истинной цели первоначального его установления». Сильно болели глаза. Он смежил веки, осмысляя прочитанное, глядя в самого себя внутренним зрением. В туманной мистике и загадочных символах прозревалось нечто очень важное, хотя и ускользающее, как бы нарочито размытое. Отблеск истины?..

В Баварии, в древнем городке Регенсбурге, Кутузов вступил в ложу вольных каменщиков «К трем ключам».

7

Когда же произошло преображение и остроумный, изящный, быстронравный молодой офицер, храбрец, забияка и насмешник, перевоплотился в полнеющего, себе на уме молчуна, хорошо усвоившего, помимо всего прочего, что большинство людей ждет услышать вовсе не правды, а только того, что каждый из них ждет? Когда этот задира с острым языком, не пощадивший самого главнокомандующего графа Румянцева, обрел по-крыловски мудрую, хочется сказать, чисто народную хитрость? Иными словами, когда же он начал приобретать черты привычного нам Кутузова?

Простодушные биографы, писавшие житие фельдмаршала сразу после его кончины, относят перелом к результатам назидательного разговора с сыном отца Иллариона Матвеевича: «Дав слово отцу переменить свое поведение, он в короткий срок сделался чрезвычайно скромным: никого не пересуждал и не вмешивался в чужие дела. Случалось, короткие его знакомые,

желая узнать образ его мыслей о ком-нибудь, заводили разговор, стараясь выведать его мнение. Кутузов тотчас переставал об этом говорить и начинал совсем другую речь, а иногда и прямо отзывался так: „Какое нам дело до других? Нет лучше того, как знать самого себя...”»

Но сомнительно, чтобы это произошло именно так – по канонам сентиментального романа, завершающегося трогательным прозрением. Нет, скорее всего, резкая перемена в характере и поведении молодого офицера совпала со страшным потрясением – сквозным ранением в голову.

Тут, между прочим, существуют аналоги и чисто медицинские, физиологические: документы сохранили, к примеру, подробности «странного случая», приключившегося в середине XIX века с неким американским шахтером-взрывником, которому пробил голову железный стержень. Шахтер остался жив, но внезапно переменялся его характер: подозрительный скупец вдруг сделался общительным и щедрым, что называется, широкой натурой. Он стал безалаберным, бестактным, своенравным. Так, по крайней мере, утверждает история медицины.

Однако, помимо этих, быть может, несколько вульгарно-материалистических обоснований, есть, конечно, более важные. Духовные, нравственные.

В долгом колебании между жизнью и смертью, заглянув глубоко в бездну и почитаясь уже совершенно безнадежным, молодой Кутузов точно вернулся с того света. И уж верно, прошел через невыносимые страдания и недоступные нам размышления – наедине с собой, со своими *мучениями*. Можно только догадываться, какие бури мыслей проносились через него, какие небеса над ним разверзались! И интерес молодого Кутузова к масонству не объясняется ли попыткой мысленно еще раз спуститься туда, откуда он только что телесно выкарабкался?..

С тех пор и до конца дней его не оставляли страшные головные боли, напоминая о бренности всего живого и о пережитых муках. Но в этом больном, израненном человеке кипели страсти, било жизнелюбие, гедонизм, желание черпать полную чашу бытия. Он смело шел наперекор судьбе, открывая лицо новым испытаниям.

8

Профессор был тощ, уродлив, желчен. Тощ, потому что общался только с книгами и разъятыми трупами. Уродлив, ибо это надежно охраняло его от житейских соблазнов. Желчен – от излишества знаний.

Знаменитый хирург и патологоанатом, он защищал в Антверпенском университете диссертацию, посвященную ранениям, которые случаются на войне. В ученом труде, между прочим, доказывалось, что рана, которую будто бы, как говорили, получил русский офицер Кутузов, есть не что иное, как сказка. Потому что с такой раной трудно остаться в живых и уж совершенно невозможно сохранить зрение.

Михаил Илларионович отправился слушать профессора.

Позади были Сан-Суси, Пруссия, встречи с Фридрихом II, германские княжества, Австрия, Вена, где Кутузов познакомился со знаменитыми полководцами Лаудоном и Ласси. Давно уже расстался он и с Репниным, который был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Оттоманскую Порту и отбыл в Константинополь. И уже масонские идеи, еще недавно казавшиеся столь привлекательными, вызвали теперь сомнения. Он начал разочаровываться в них, как ранее разочаровался в мнимой смелости вольтерьянства, за которой не нашел ничего, кроме убогого безверия.

«Правду сказать, требуя безусловного равенства, масоны восстают против основ самой Природы, – размышлял он, сидя в средневековой аудитории, посреди рогатых париков и длинных мантий. – Именно Природа создала людей неравными. Что делать, если один рождается пригож, а другой дурен собой; тот здоров, а этот болезнен и хил; кто-то удачлив, а кто-то невезуч. Уж не говоря о том, что иной с колыбели богат и знатен, а иной беден и безроден. Нера-

венство воистину правит миром. Ум и глупость, талант и бездарность, красота и уродство, сила и слабость, благородство и коварство – разве не столкновение их только и приводит в движение все сущее! Кто же, какой умник возьмется уравнивать все и вся? Ведь сама Природа возразит на это и найдет тысячу способов, чтобы опровергнуть неосторожного смельчака!..»

Сухой, как шелестящий пергамент, голос профессора, говорившего по-немецки, назвал его имя. Кутузов очнулся. Ученый грозно увещевал лгунов, распространяющих небывлицы про русского офицера.

Едва стихли рукоплескания, Михаил Илларионович подошел к просвещенному науками мужу и сказал ему перед всей аудиторией:

– Господин профессор! Вот я здесь! И я вас вижу!..

9

Когда в далекой Бугульме, посреди решительных действий против скопищ Пугачева, скончался генерал-аншеф Александр Ильич Бибииков, Екатерина II осыпала семейство покойного своими щедротами. Вдова Анастасия Семеновна получила две с половиной тысячи душ в Белоруссии; старший сын Павел Александрович был произведен в полковники и назначен к государыне флигель-адъютантом; другой – десятилетний Александр – произведен офицером в гвардию; дочь Аграфена стала фрейлиной.

В своем горе Анастасия Семеновна была столь безутешна, что не могла расстаться с дочерью и, поблагодарив императрицу за оказанные милости, испросила у нее разрешения оставить Груню при себе. Это было первым нарушением строгого статуса: до тех пор фрейлины непременно должны были жить в Зимнем дворце. Впрочем, Аграфена неукоснительно являлась на положенные дежурства при особе государыни.

Время все лечит. Родные не забывали Анастасию Семеновну в ее несчастье. Частыми гостями были у нее Авдотья Ильинична с Иваном Лонгиновичем, уже вице-адмиралом. Приезжая в Петербург из полевых войск, Анастасию Семеновну навещал младший деверь – боевой офицер полковник Гаврила Ильич. Но особое оживление приносил с собой Васенька, Василий Ильич Бибииков, – франт в раззолоченном кафтане, так и сыпавший забавными историями, эпиграммами, цитатами из модных комедий. Дела его шли блестяще. За участие в перевороте 28 июня он получил 600 душ и звание камер-юнкера. Сама государыня, видя его страсть к театру, поставила Василия Ильича во главе управления русской труппой. И уже гремели овалции в обеих столицах в честь написанной им пьесы «Лихоимец».

Постепенно в большом доме Бибииковых вновь стала собираться молодежь, зазвенел смех, зазвучала музыка. Кутузов пользовался любой возможностью, чтобы встретиться там с двадцатитрехлетней Катей, которая дневала и ночевала у невестки и относилась к осиротевшей Груне не как к племяннице, а скорее как к младшей сестренке. Да они и выглядели точно сестры, когда, уединившись в светелке, исповедовались друг другу, обсуждали свои сердечные дела: у каждой уже был суженый.

Что до Кати, то тут все было ясно и просто: ее любви ничто не препятствовало. Ивану Лонгиновичу и Авдотье Ильиничне не пришлось даже убеждать престарелого Илью Александровича в том, что именно Кутузов ниспослан небесами для его младшенькой.

Главу рода Бибииковых, давно уже не выходившего из дому, навещил, на правах будущего свекра, и Илларион Матвеевич.

Старики были знакомы много лет. Они вместе некогда строили укрепленную Украинскую линию. Оба были вдовы. Оба обласканы Екатериной II: Илья Александрович в начале ее царствования был назначен начальником Тульского оружейного завода с производством в генерал-поручики; Илларион Матвеевич получил в 1765 году орден Святой Анны 1-й степени, а затем, когда завершилось строительство Екатерининского канала, государыня подарила

ему богатую золотую табакерку с бриллиантовой осыпью. Правду сказать, боевых заслуг было побольше у Бибикова; он отличился еще в Семилетнюю войну, в битве при Кунерсдорфе, а при осаде Кольберга с успехом командовал всей кавалерией.

Теперь оба находились в отставке; оба были не просто стары, а дряхлы: Илье Александровичу шел семьдесят девятый год, а Иллариону Матвеевичу – восемьдесят третий.

Все шло к скорой свадьбе, и Катя примеряла уже подвенечное платье.

Совсем иные волнения мучили юную Груню Бибикову.

На одном из придворных балов она увидела статного красавца – адъютанта светлейшего князя Потемкина Ивана Рибопьера. Он приглянулся ей; она была им тоже замечена. Офицер стал появляться у Бибиковых, и уже все примечали, что они с Груней равнодушны друг к другу. Против брака, однако, восстала надменная Анастасия Семеновна, урожденная княжна Козловская.

Не только страх, что дочь отдастся от нее, был тому причиной. Родниться с чужеземцами в то время не любили. А тут еще по городу поползли слухи, будто Рибопьер – это французский парикмахер Пьер Рибо, перебивший порядок имени и фамилии, чтобы скрыть свое плебейское происхождение, и очаровавший смазливой внешностью фрейлину Бибикову, дочь distinguished вельможи Александра Ильича...

– Катенька, это гнусный поклеп! – горячо говорила Аграфена своей тетке-подружке.

– Ах, Грунюшка! – весело отвечала невеста Кутузова. – Да ежели кого полюбишь по настоящему – не поглядишь ни на его происхождение, ни на звание...

– Но он никакой не парикмахер!

– Ей-ей, уж лучше умный и пригожий парикмахер, – засмеялась Катя, – чем какой-нибудь завитой парикмахером кочан капусты на плечах с золотым эполетом! Разве Руссо перестал быть великим только оттого, что он сын часовщика, а в молодости был лакеем?..

Екатерина Бибикова отличалась некоторой сентиментальностью и обожала книгу Руссо «Эмиль, или О воспитании», где воспевались простые, естественные чувства и бичевался свет с его растлевающим влиянием.

– Однако мой избранник хорош и душой, и лицом, и происхождением... – в сердцах, словно отвечая своим обидчикам, рассуждала Аграфена. – Он – швейцарец, из древней эльзасской фамилии. Вместе с князем Юсуповым и графом Апраксиным учился в Тюбингском университете. Сам Вольтер, близкий друг отца его, дал ему рекомендательное письмо к государыне Екатерине Алексеевне. Каково после этого выслушивать злобные наветы наших кумушек!..

– Подожди! Никак, колокольный звон! К чему бы это? – перебила ее тетка.

Девушки прислушались. Да, медленный и тяжкий, над столицей гудел медный перезвон. Груня подбежала к закрытому по-зимнему окну и открыла форточку. Вместе с гулом колоколов ворвался резкий весенний ветер и холодным дождем прошел по лицам. Внизу гулко стукнула дверь. Мягкий баритон, от которого захолонуло Катино сердце, мог принадлежать только Кутузову.

Он и предстал перед девушками, но в каком виде! Вода текла с треугольной шляпы, вымок парик, мундир и плащ.

– В городе наводнение! – радостно глядя на невесту, объявил Михаил Илларионович. – Нева затопила улицы. Повсюду гуляет волна.

– У меня же сегодня дежурство в Зимнем дворце! – всполошилась Аграфена.

– А как вы добрались? – с удивлением спросила Катя Кутузова.

– На лодке. Я ведь воспитывался в доме адмирала...

– Она будет и моим экипажем! – решительно заявила Аграфена. – Я не могу себе позволить пропустить дежурство при ее величестве!

Не помогли никакие увещевания. Груня села в утлую посудину. На носу примостился лакей с фонарем. Два гребца ударили веслами по воде, и лодка скрылась среди мрака и плеска.

Глядя вслед исчезающему пятнышку света, Кутузов сказал:

– Настоящая дочь непреклонного Александра Ильича! Впрочем, во всех вас бибииковская кровь. – Он прямо на крыльце, под сеющим дождем, обнял зардевшуюся невесту. – Моя ненаглядная Катенька! Я приехал сообщить тебе, мой свет, что родители наши назначили свадьбу на двадцать седьмое апреля...

Летом 1777 года Кутузову предстояло отправиться на юг России, под начало уже знаменитого генерал-поручика Александра Васильевича Суворова, командующего войсками в Крыму и на Кубани.

Глава вторая. Под крылом Суворова

1

В своем военном лагере, близ Карасу-Базара, Суворов собрал полковых начальников, чтобы обсудить с ними положение в Крыму.

По Кючук-Кайнарджийскому миру Турция обязалась признать независимость Крыма; кроме того, русские получили ключи от полуострова – Еникале, Керчь и Кинбурн. Теперь зависимость Крыма от Порты выражалась лишь в том, что татары должны были принимать из Константинополя судей и чеканить монету с именем султана. Однако крутые меры хана Шагин-Гирея, стремившегося ввести преобразования на европейский лад, вызвали подогретое духовными фанатиками восстание. Оно было подавлено, в Крым вошли русские войска. Тогда и было решено, чтобы ослабить ханство экономически, вывести в Россию христиан – преимущественно армян и греков. Всего из Крыма в Азовскую губернию было переселено 31 098 душ обоого пола.

Это вызвало ярость дотоле верного России Шагин-Гирея.

Ведь в руках христиан находились и промыслы, и садоводство, и земледелие, и рыболовство. Короче, все, что составляло главные статьи его доходов. Вывод в Россию армян и греков подрывал и без того непрочный ханский престиж в глазах подданных и доказывал его бессилие. В татарской верхушке вновь поднялось глухое брожение. Одновременно турки направили к Крыму огромный, в сто семьдесят вымпелов, флот, который оцепил часть полуострова, держась ближе к Кафе, то есть к Феодосии. Непокойно было и на Кубани, где агитаторы из Оттоманской Порты подговаривали восстать ногайцев и татар, а набеги немирных черкесов не раз застигали русские посты врасплох...

Суворов, легкий, стремительный, в распахнутом солдатском мундире, быстро расхаживал по палатке перед сидящими офицерами. В голубых глазах под высоко поднятыми бровями – озабоченность и строгость. На мундире – лишь один крест Святого Георгия 2-й степени.

– Ключ вредностей, – отрывисто говорил он, – скоропостижность без должных размышлений! Сила – в дружелюбии. А не в угрозах, недопущениях, насилиях. Низко то и вредно!..

Полковник Кутузов только что вернулся из полугодового отпуска, предоставленного ему для женитьбы. Екатерина Ильинична, его ненаглядная Катюня, приехала вместе с ним. Они ожидали ребенка, и Михаил Илларионович волновался, как бы беспокойная обстановка не отразилась на Катюнином здоровье. Однако сама Екатерина Ильинична решительно заявила, что желает разделить все тяготы его походной жизни.

«Да, бибииковская кровь у них у всех одна», – повторял себе Кутузов.

Но если на сердце у Михаила Илларионовича было тревожно, то у его любимого начальника настроение вовсе никуда не годилось. Очень мнительный и самолюбивый, Суворов рвался прочь из Крыма, терзая себя действительными и мнимыми неприятностями.

Правду сказать, неприятностей хватало.

Мучило двоеначалие. Как командир корпусов в Крыму и на Кубани, генерал-поручик подчинялся одновременно и малороссийскому генерал-губернатору, и главнокомандующему войсками на юге России генерал-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, и генерал-губернатору Новороссии, и президенту Военной коллегии князю Потемкину. Оба вельможи едва терпели друг друга и с удовольствием ставили один другому палки в колеса. Если Потемкин требовал вывода из Крыма христиан, то Румянцев открыто выступал против этой затеи, не видя в ней ровно никакого проку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.